

Саша Мар

**ИНТЕРЕСНО
И ЛЕГКО**

18+

Истории с неожиданной развязкой

Саша Мар

Интересно и легко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42564202

SelfPub; 2019

Аннотация

Какой, по-Вашему, должна быть хорошая книга? Интересная, захватывающая, лёгкая? Книга, которая переносит в придуманный мир, и хочется оставаться в нём как можно дольше, листать страницу за страницей с вопросом: «А что же дальше?» Если Вы согласны, что хорошая книга должна быть именно такой, то «Интересно и легко» – это книга для Вас. Здесь рассказы всевозможных жанров и настроений: и мистика, и любовь, и ужасы, и фантастика. Здесь иногда весело, а иногда страшно, но всегда – интересно и легко.

Содержание

Дальше лёд	5
Я погружаю зубы в сочную плоть	17
Замрут часы, и я умру	38
ПЕРВАЯ Новый год	38
ВТОРАЯ Не сегодня	40
ТРЕТЬЯ Черепаха	53
ЧЕТВЁРТАЯ И никуда не деться...	77
ПЯТАЯ Как это забыть?	90
ШЕСТАЯ Счастье	99
СЕДЬМАЯ Часы	107
ВОСЬМАЯ Линия жизни	111
Ракушка	117
Угол семьдесят пятой и семьдесят девятой	122
α	122
β	124
γ	126
β	128
«Угол семьдесят пятой и семьдесят девятой...»	131
α	133
γ	136
β	143
α	156

Настоящий α	162
Конец	168
Причинение добра	171
Р. S.	194
От автора	196

Дальше лёд

В ночь на десятое января ударил мороз минус сорок. Накануне весь день заливало дождём, и горожане сетовали на суровую для южного приморского города зиму с температурой плюс десять. Наутро лужи превратились в стекло, стоки канализации украсились прозрачными волнами льда, дороги покрылись скользкими буграми, и город замер.

Такой жуткий мороз выдался впервые три года назад и стал настоящим бедствием. Бездомные бродяги замёрзли насмерть, и несколько жителей в своих квартирах тоже. Той тёплой зимой народ спал с открытыми окнами, а стужа разом рухнула на город и принесла ледяной ужас. Теперь горожане заранее законопатили окна, включили обогреватели, и легли спать под многослойные одеяла, чтобы встретить утро живыми.

Ближе к двенадцати часам дня улицы наполнились туристами, которые примчались поглазеть на аномалию. Они шли прямо по пустой проезжей части, скользя, падая и хохоча, фотографировали ледяные шубы на домах и шапки снега на деревьях.

– С каждым годом туристов больше, поэтому всё для них, – сказал мэр, – устроим Неделю Льда, найдите художников, чтобы соорудили ледяные скульптуры.

Однако днём на площади кроме палаток с едой и водкой

из-под полы достопримечательностей не было. Мэр по телефону отодрал начальника отдела культуры, сказав, что если завтра утром фигур не будет, пусть пеняет на себя.

Начальник по культуре спешно собрал подчиненных и начал жалобно вопрошать, есть ли в городе такие художники. Подчиненные прятали носы в высокие воротники свитеров и мотали головами, а потом вспомнили, что есть какой-то парень на окраине, который каждый раз в мороз, у себя во дворе лепит фигуры.

– Чего молчали-то? Валенки в зубы и бегом к нему, берите уазик, – завопил начальник и помчался вместе с ними.

Вдали от центра многоэтажный бетонный кубизм редет и превращается в низенький деревянный частный сектор, с резными окнами, двориками, лающими псами и дымящимися трубами. В ледяную неделю печи кочегарят дни и ночи напролет.

Утром во дворе такого покосившегося дома, в клубах морозного тумана и печного дыма, стоит взъерошенный парень без шапки и в расстегнутой куртке. Он подставляет бородатое лицо падающим с неба снежинкам. Опять этот день, опять мороз.

По двору расставлены открытые деревянные короба. Вчера они наполнились дождевой водой, и теперь вода стала

льдом. Взъерошенный рубит деревянные короба топором, освобождая прозрачные глыбы. Затем он неторопливо без рукавиц громоздит их друг на друга, пока они не выстраиваются в башню высотой с него самого. Он заводит бензопилу, держит её железное вибрирующее тело голыми руками на трескучем морозе и начинает вытачивать ледяную фигуру женщины.

Вчера он снова почувствовал приближение стужи. В предбаннике он закрыл глаза, прислонился спиной к стене, и погрузился в воспоминания, которые спали до наступления зимы. Каждый раз в этот день, уже четвёртый год.

Бензопила скользит по краям глыбы, лаская формы будущего ледяного тела, от бедра к талии, от шеи к плечам. Он отмечает черты лица, острый нос, губы приоткрыты в улыбке, как в тот день, когда они виделись последний раз в замёрзшем городке за Полярным кругом.

«Я уезжаю?» – «Куда?» – «Далеко, в Тунис, там тепло. Ты же знаешь, я ненавижу холод. Здесь десять месяцев зима, а там – круглый год лето».

Он нежно касается ледяной головы, как тогда касался рукой тёплых волос. Я не смогу без тебя. Сказал ли он это вслух или подумал?

«Не глупи», – она улыбнулась легко, насмешливо

Мороз крепчает. Туман становится плотнее. Он всматривается в прозрачное лицо. Так нельзя, ты убиваешь меня. Он зажмуривается, холод забирается внутрь, и он надеется, что сейчас наконец-то замёрзнет и боль пройдёт. Рука скользит по ледяной щеке, лёд тает под горячей кожей. Гул бензопилы превращается в шум машины, которая в ту ночь унесла его из города, где самая хорошая и красивая причинила ему боль. Она сказала, что уезжает в тёплые края. Почему она не любит зиму, как можно её не любить?

Нетронутая белизна плавно укрыла землю простынями свадебной постели, и невеста, опустив глаза, с безжалостной невинностью сбросила белое кружевное платье, и оно, подрагивая на ветру, упорхнуло ввысь и распласталось клубя-

ми облаков по густо синему небосводу. Каждый день он выходил во двор метеостанции, щурясь на иглы солнечных лучей, рассыпанные по сугробам, и был счастлив, что его северная красавица рядом с ним в стройном ледяном безмолвии полярной пустыни.

– Сегодня летим.

Сторож станции, молодой парень, вышел на крыльцо и закурил.

– Летим волков стрелять.

– Разрешили?

Как одному человеку снести столько радости? Любовь, снег и охота.

– Ага. Сегодня пришла электронка из горсовета. Сто пятьдесят оленей загрызли за месяц. Егеря не справляются. А тут мы такие на вертушке, та-дам, та-та-ра-тааа-дам, – и он запел полет Валькирий, перевирая – только каску под задницу подложи, чтоб с земли не прострелили.

– Кто, волки?

Парни смеются, предвкушая ночную забаву, а через час он выскочит на обед в столовку, встретит её, и она скажет, что уезжает в Тунис. Она ненавидела зиму и снег, а он думал, что это пройдёт.

Ветер бьёт в лобовое стекло костяшками снега и града. Белые пальцы вцепляются в руль, а в голове – пальмы, море и загорелые тела. Когти ревности рвут душу.

Впереди по трассе на чёрном небе прыгают два огонька,

красный и синий. Вертолёт опускается ниже и скользит прямо над дорогой. За воем урагана он слышит щелчки выстрелов и мелкие вспышки, как будто в небе чиркают спичкой. Он опускает стекло и вглядывается в черноту. Волки, так и есть. Огромная стая волков бежит по краям дороги вровень с машиной и краткие выстрелы с вертолёта выхватывают из серого потока то одного, то другого зверя. Подстреленный волк, скуля, выпрыгивает вертикально вверх, как будто ударившись о невидимую стену, и падает в месиво рычащих ошестинившихся спин.

Вдруг страшный удар ветра обрушивается на машину, снег врывается внутрь, и буря мечется по салону. Он быстро поднимает стекло, вытирает рукавом глаза и с удивлением видит, что снаружи снег сменился дождём, а накатанный зимник – размытым асфальтом. Ливень стеной скрывает дорогу, и струи воды, замерзая на лету, сыплются на асфальт копиями сосулек. Дорога покрывается коркой льда и мчащийся по трассе жигуль скользит, крутится, летит в кювет, и зарывшись в носом в сугроб, глохнет.

Утром он очнулся, выбил ногами лобовое стекло, выкарабкался из машины и побрел по заснеженному полю в сторону деревянных домиков на окраине замёрзшего южного города, впервые за сотни лет парализованного жуткой стужей. Он не пытался разобраться, как ледяная буря вмиг перенесла его на красном жигуле за три тысячи километров на юг. Она бросила меня, уехала в лето. Это всё, о чём он мог думать, и боль ползала по телу, выжигая внутренности от пяток до макушки.

Холода он не чувствовал и не отморозил ни рук, ни ног. Он заметил косой дом, дыма из трубы не было. Внутри он нашел троих замерзших насмерть бродяг, которые лежали на лавках и смотрели распахнутыми остекленевшими глазами в потолок. Он перетащил задубевшие тела в баню, а сам

запер дверь дома, лег на пол, укрывшись пыльными мешками, и отключился.

Теперь она стояла перед ним, такая, какой он её запомнил, только изо льда. Вдруг сзади кто-то кашлянул. Из расплывающихся клубов дыма за оградой медленно выплыли лица чиновников, ошарашенные глаза пялились в просветы между шарфами и ушанками. Вид полуголового парня на сорокаградусном морозе заставил их разинуть рты.

– Что же вы не сказали, что он псих, – прошептал начальник.

– Так про него ж и писали в газете, что псих.

– И как с ним разговаривать?

– Гляньте, а он и не собирается разговаривать.

Пока они шептались, полуголый поднял куртку, и волоча её по осколкам льда, скрылся в тумане. Хлопнула дверь. На призывы чиновников он не вышел, как они ни кричали, и ни сулили достойное вознаграждение, и как ни упрашивал начальник пожалеть его семью. Кособокий дом кутался в клубах морозного пара, а ледовый ваятель был внутри, нем и глух к мольбам.

Тем временем на окраину опустились сумерки. Чиновники до смерти замерзли.

– Не уйду без него. Уволят. Или он вылепит эти чёртовы фигуры, или – петлю на шею, – твердил начальник.

– Да, ладно, тебе Ильич, – деловито сказал один из под-

чинённых, ушлый парень, «палочка-выручалочка», – сейчас мы его выкурим, у меня тут зятьёк рядом живёт, охотник. Сейчас.

Он исчез и скоро вернулся с другим мужиком в тулупе и с ружьём.

– Этого шизика давно пора вытащить на свет божий, – пробурчал тулуп, перелез через ограду и два раза отчетливо долбанул прикладом дверь, затем выстрелил в воздух и заорал:

– Выходи, гад, люди из-за тебя на морозе уже околели!

Дверь скрипнула, и на пороге показался парень, куртка на голое тело. Он взглянул на тулуп с ружьем:

– Мужик, отстань, – голос звучал глухо и измучено.

– Давай, давай, иди к машине.

– Осторожнее, – волновался за оградой начальник, – ещё жмурика не хватало.

– Не волнуйтесь, будет живёхонек, х-художник, – прокричал тулуп, и в ту же минуту парень рванул в темноту за угол дома.

– Ах ты, ваятель, – тулуп дёрнулся за ним, но завяз в сугробе, а из-за угла резанул луч света, и рыча вылетел красный жигуль, разбил вдребезги прозрачную девушку, снес ограду и помчался через сугробы и ледовые бугры в сторону города. Чиновники впихнулись в уазик и ринулись в погоню.

Сначала они решили, что парень удрал, но когда уазик во-
рвался в город, увидели, что дымящийся жигуль с поднятым
капотом стоит боком на тротуаре, а его водитель в расстег-
нутой куртке убегает к центральной площади.

– Ильич, может он бежит скульптуры делать? Сам? Чёрт
их поймёт, этих художников.

– Не болтай, жми, – прохрипел начальник.

Была уже глубокая ночь, и площадь давно опустела. Па-
латки покрыли навесами, и пьяные туристы расползлись
по съёмным квартирам. На площади оставались только су-
гробы снега да глыбы льда.

Пролетев мимо палаток, уазик подрезал бегущего парня
и со скрежетом застыл. Бегущий остановился, тяжело дыша.
От него валил пар.

– Отстаньте от меня, – еле слышно прошептал он, пере-
водя дух.

– Ну, будь ты человеком, – начальник вылез из машины
и просительно простер руки, – ну вот уже и на месте, вот
и бензопила твоя, и льда сколько влезет. Сделай ты пару фи-
гур, а?

– Отстаньте от меня, – тяжелое дыхание вдруг прошло,
и в голосе зазвучало железо. Морозный воздух резко похоло-
дел, и с неба повалил крупный снег.

Глаза начальника налились кровью.

– Ну, тогда я из тебя из самого скульптуру сделаю.

На площадь со свистом налетел ветер, закручивая вихрь снежных хлопьев и ледяной крошки, оцарапавшей лица. Начальник дёрнул шнур бензопилы и бросился с ревущей машиной в руках к парню, но тут же упал, сбитый ног порывом вьюги. Кряхтя и матерясь, он с трудом поднялся на ноги и вдруг застыл в неестественной позе на одной ноге.

– Я же сказал, нельзя, – сквозь сжатые синеющие губы, парень цедил слова, злобно пронизывая взглядом стоящих вокруг людей. От него перестал идти пар, по открытой груди и животу ползли кривые чёрные капилляры, кожа стала фиолетового цвета. Как она могла бросить меня, как? Воздух вокруг синел и замерзал, стекло узика медленно покрылось инеем и треснуло. Взгляд парня перемещался от одного человека к другому, и каждый замирал на месте в трудной позе, скованный клещами морозной хватки.

Через пару минут ветер стих, узик исчез, а в центре площади остались шесть запорошенных снегом ледяных фигур, одна из которых изображала, скорее всего, маньяка с бензопилой, а остальные были убегающими от него перепуганными жертвами.

Туристы с детьми прибежали утром на площадь, обрадовались и стали скакать вокруг скульптур, но потом раздался истошный визг, и одна из бросившихся на помощь мамаш хлопнулась в обморок, увидев, как скульптура с бензопилой

моргает глазами в предсмертной судороге.

В это время узик, покинувший ночью центральную площадь, рассекал воздух на обледенелой трассе, а за ним летела снежная буря. Вихри снега и льда набрасывались на пронозящиеся мимо дома и деревья, заковывая их в толстый слой инея, а на дорогу за машиной падали замёрзшие в полёте птицы.

Как она могла уйти от меня, думал сидящий за рулём фиолетово-чёрный водитель, представляя себе жаркий берег Африки и девушку в белом купальнике с распущенными волосами.

Она сидит на влажном песке, плавно плещет ступнями в бирюзовой воде, и отчаяние с болью жгут его изнутри, и чем сильнее жар, тем холоднее становится облако снежной бури, окутавшее машину, которая летит по трассе, неся за собой ледяную смерть.

Я погружаю зубы в сочную плоть

Совершенно гладкая белоснежная поверхность в окуляре микроскопа становится ближе и превращается в гористую равнину, изъеденную трещинами, котлованами и впадинами. Все округлости старой как мир формы выпрямляются, расправляются, и мы движемся по ребристому, уходящему за горизонт бескрайнему рельефу. Взобравшись на очередную возвышенность, мы не можем увидеть краёв этой необъятной складчатой плоскости, мы даже не пытаемся заглянуть за горизонт, мы – слепы.

Мы быстро перемещаемся по впадинам и рытвинам, забираемся в расщелины, натываясь и наваливаясь друг на друга, громоздимся, цепляемся друг за друга извивающимися жгутиками, которыми облеплены наши длинные скругленные на концах туловища, но не испытываем при этом дискомфорта. Постоянный телесный контакт придаёт нам, лишенным зрения, ощущение единства, уверенность, что каждый из нас является частью большого сильного организма, что наша цель – поддерживать этот организм, не давать ему развалиться и обеспечивать его рост. Чем чаще прикосновения, тем твёрже наша вера в цель, тем яснее картины будущего, которые рождаются из нашего общего разума. Это будущее – невероятно и прекрасно, оно сулит потрясения, и оно в итоге одарит благодатью тех, кто его жаждет, но что-

бы приблизить грядущее, мы должны быть вместе, мы должны расти, мы должны питаться.

Сигнал о том, что рядом есть источник пищи, передает мой сосед справа. Я переваливаюсь через него и погружаюсь в питательную манну. Рядом с собой я чувствую копошение других соседей, припавших к пенообразной сладкой массе. Мы заглатываем еду, пока она не заканчивается, и движемся дальше до следующего источника. Иногда место расположения еды нахожу я, и тогда я начинаю подавать сигналы соседям, иногда они приглашают меня разделить трапезу.

Через какое-то время мы оказываемся на более-менее ровной поверхности, и чувствуем новый сигнал. Это чужой сигнал, но мы не боимся его, а испытываем радостное возбуждение, потому что этот сигнал сулит охоту. Мы на мгновение замираем и настраиваем органы чувств, сосредоточиваемся, стараясь точно установить, откуда идёт импульс.

Зверь рядом, и он тоже слепо мечется по равнине. Я вдруг вижу его внутренним зрением, ощущаю его форму и чувствую излучаемую им энергию. Между нами устанавливается связь, прямая прочная нить, как будто поводок, на котором я держу зверя и не отпускаю. Всё что мне остаётся делать, это тянуть поводок на себя и приближаться самому. Еще ближе, еще, я настигаю зверя, быстро опутываю его своими жгутами, намертво притягиваю к себе и погружаю зубы в нежную мякоть, в сочную плоть, которая бессмысленно бьется, не понимая, что с ней происходит, и что это означает

конец. Я с радостью делю добычу с соседями, ликуя, что мы вместе, и вместе мы становимся сильнее.

Так мы проводим несколько циклов, и внезапно я осознаю перемену в ощущениях. Внутри меня поселилось что-то новое. Моя сила увеличивается с каждым мгновением, с каждым приемом пищи. Она породила томительное предвкушение, что вот-вот я смогу применить мою мощь, исполнить малую часть своего предназначения.

И когда рядом возникает новый незнакомый сигнал, пучок новой информации, я понимаю, что жду именно его:

– У тебя есть кольцо? Кольцо для меня? – спрашивает она. Это – моя Половина.

Конечно, конечно у меня есть кольцо. Я хранил его для тебя, растил его для тебя. В этом кольце вся история моего цикла. В нем сосредоточена вся правда и вся жизнь моих предков, по которой можно проследить всю цепь наших рождений, ведущих вглубь времени прямо к Прародителю.

Внутри нашего общего сознания живёт древняя легенда о Прародителе и Знамениях. Она разбита на части и находится в каждом из нас, где-то в недрах. Неосознаваемо она является нашей движущей силой. В моем кольце заключена частица этой легенды, а в кольце моей Половины – другая часть. И вот теперь, после того, как мы встретились, мы смо-

жем собрать наши знания воедино, ощутить легенду целиком, увидеть её ярко и выпукло.

Мы вместе ныряем в появившиеся образы и делимся экстазом от общих видений.

«Сначала наступит тьма, потом холод, и нас охватит ужас, что мы замерзнем. Но он – наш Прародитель, и он не позволит нам умереть. Он даст нам спасительные капсулы крепче металла, тверже скалы, и каждый из нас заключит себя в такую капсулу и будет греться своим теплом, и ни один атом тепла не покинет капсулу. Потом снова воцарится свет, и случится великое землетрясение, и твердь преломится, и великая жижа затопит все вокруг, и нас охватит ужас, что мы захлебнемся. Но чудесные капсулы спасут нас, и внутри них мы будем слышать голос Прародителя, который успокоит нас и развеет наш страх. А затем великий жар охватит всю вселенную и все погибнет, вся пища станет прахом, и нас охватит великий ужас, что мы сгорим. Но вы не должны бояться, будет звучать для нас голос Прародителя, ибо жар делает ваши тела каменными, а волю – железной, и те из вас, кто будет спокоен и сохранит веру и волю, тот не рассыплется в пепел, а переживёт этот жар и все великие пертурбации. И перед вами откроются врата, и рай примет вас, и в краю изобилия и счастья, ваша сила достигнет высшей точки, и вы увидите её – но мы же слепы, Прародитель! – вы всё равно увидите её, и сможете реализовать своё предназначение

и достигнете счастья».

Моё кольцо надето на меня посередине, оно увеличивается, и я оттягиваю часть кольца от себя. Я могу размахивать им в воздухе как лассо, которое прикреплено к моему телу. То же самое делает моя Половина. Мы накидываем наши кольца друг на друга и притягиваемся друг к другу. Теперь на каждом из нас есть оба кольца, и теперь легенда целиком заключена в нас обоих, но это длится лишь мгновение, короткий миг и для одной единственной цели – зажечь искру новой жизни.

На пике экстаза новая жизнь рождается в каждом из нас, и затем покидает, отделяется от нас, унося с собой свою часть кольца и свою часть древней легенды о Знамениях и Прародителе. Вновь рожденные кусочки нас самих уносятся прочь в поисках новых Половин, чтобы снова и снова соединять кольца и возродить древнее, единое и главное.

А мы остаёмся, обескураженные и потерянные, на долю секунды обретшие истину и тут же снова утратившие её. И я уже не чувствую рядом свою Половину, но в сознание возвращаются спокойствие и уверенность:

«Задача выполнена – нас стало больше».

Однако мы знаем ещё кое-что. Мы знаем, что наше настоящее Предназначение – впереди. Оно больше и значительнее, чем продолжение рода. Оно осмысленнее, чем копошение дождевых червей, получивших гены и щупальца соро-

коножек, – порождение безумной фантазии доктора Франкентейна, – но не ставших избранными после этой изощрённой мутации. С последним пируэтом лунного брачного танца черви погибают, их тела беспомощно корчатся в луже семени самца с плавающими в нём, только что исторгнутыми самкой личинками. Что за жалкая доля, произвести на свет потомство и зачахнуть, отдав ему искру собственной жизни, или тут же издохнуть, не выдержав экстаза.

Нет, наша цель – не продолжение жизни. Наша цель – смерть.

Тьма наступила внезапно, как и предсказывала легенда. Однако ей предшествовал великий ветер, о котором легенда умолчала. Гравитация бесконечно белого мира сломалась, и ветер накинудся на скалистую равнину и на пробирающихся по её складкам странников.

Мы забились в расщелины и впадины, забыв о пище и кольцах, и затем почувствовали её – Тьму. Чёрную и беспросветную Тьму, Мы не могли увидеть её, но она охватила наши тела целиком, и мы поняли, что свет тоже был силой, которая поддерживала нашу жизнь, и теперь эта сила исчезла.

Мы начали с удвоенным напором и скоростью охотиться и поглощать манну, чтобы восполнить отсутствие света, но так продолжалось недолго, потому что мороз обрушился на нас и нашу белую гористую родину. Мертвящий чудо-

вишно бесцветный Холод, возник сразу везде, без единого источника. Он набросился сразу отовсюду, замкнул наши тела в тиски, и нас стало трясти от спазмов безысходной жажды тепла.

Манна замерзла, и зверь превратился в лёд. Нас охватил ужас, но тут я почувствовал изменения в теле. Расширяясь вверх и вниз от кольца, сцепленного посередине меня, плотный панцирь начал расти и сомкнулся. Я оказался внутри капсулы, обещанной Прародителем, капсулы тверже скалы и крепче металла. То же самое произошло и с другими странниками. Мы спасены. Мы чувствуем стук капсул друг о друга, и всё то же ощущение единства греет нас, как и собственное тепло, которое сохраняется внутри наших прочных панцирей. Легенда сбывается, спасибо тебе, Прародитель. Но что же будет дальше? Как долго продержится великий Холод, сколько времени мы пробудем в этих спасительных капсулах? Один цикл, два, три? Четыре...

И мы погружаемся в сон. И сон без сновидений, и без картин, и без страданий, только с памятью, с памятью о Прародителе и предназначении, и знамениях, ... пока твердь не треснет... пока твердь не треснет и не разрушит все сущее.

Наше время пришло, пока мы спали. Чудовищный треск разламывающейся земли запустил обратный отсчет. Таймер до момента, когда мы реализуем своё предназначение, начал

тикать. Мы не слышали треска, не слышали грома, мы также не чувствовали сотрясения тверди и разлома привычной гравитации, и как наша родная белоснежная равнина распалась напополам, на два полушария с зазубренными краями, и как наши капсулы погрузились в вязкую жижу и понеслись покачиваясь вниз-вниз.

И великая Зима сменилась великим Жаром, а мы достигли предела и пробудились.

Мы были уже в сознании, когда капсулы растаяли под воздействием высокой температуры. Мы застыли в резиновом, твердеющем горячем желе, наши движения были скованы, мы не могли перемещаться так же резво как раньше. В отличие от Холода, который появился сразу со всех сторон, Жар имел источник и направление. Я точно чувствовал, откуда он идет, и целенаправленно сокращая тело, старался двигаться в противоположную сторону, и еще я ясно ощущал смерть. Это была смерть других странников, моих соседей, которые находились слишком близко от источника жара и не смогли отстраниться. Я чувствовал их гибель, и каждый раз умирал вместе с ними, вместе с каждым. Прощай, сосед.

Вязкая жижа вокруг меня постепенно густела, и становилась всё более упругой и плотной. По мере удаления от источника жара, его полыхание было всё менее мучительным. Я чувствовал, что жар не убивает меня, но делает мое тело сильнее, оно твердеет, и я больше не могу быстро двигаться. Однако растущее ощущение неуязвимости успокаивало ме-

ня и позволяло не бояться того, что мои движения скованы. Я сделал еще один рывок и вдруг почувствовал свободу. Я заскользил по гладкой поверхности, поддаваясь полученному импульсу. Это был Гладкий Остров, и я был спасен.

«Огромный жар уничтожит большую часть вас, немногим удастся спастись, только те, кто сумеет добраться до Гладкого Острова жёлтого цвета, будут в безопасности, только они увидят Рай».

Скользкая поверхность качнулась, источник жара исчез. Я стремительно помчался вниз, сталкиваясь задубевшим телом с остальными выжившими странниками. Поверхность качнулась в другую сторону, и мы полетели снова вниз до противоположного конца Гладкого Жёлтого Острова, и затем все замерло.

Раздался скрежет, и затем тишина, снова скрежет и железный визг, и опять наступило молчание.

– Это открываются врата Рая, – чувствовал я сигналы своих соседей то справа, то слева. Нас осталось очень мало, но выжили только самые сильные, закаленные великим Холодом, высушенные великой Жарой и теперь готовые встретить Рай.

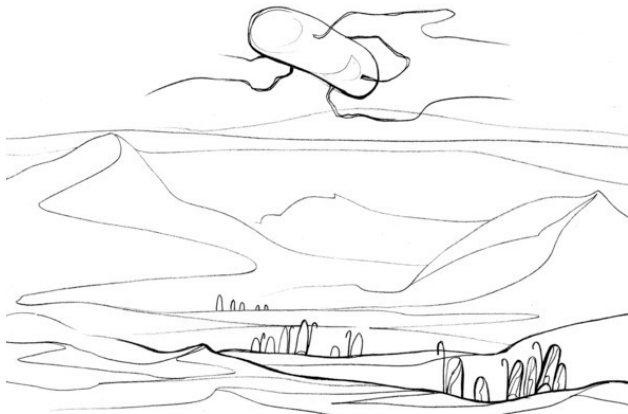
Снова раздался лязг железа, земля дрогнула, ударил ветер, и нас стало болтать в разные стороны, то погружая в жидкость, то сжимая в тисках до тошноты, и снова полёт

вниз в пустоту.

Мы почувствовали, что финал случится уже сейчас и, в самом деле: благодатный Рай принял нас и нежно обнял. И я понял то, чего не мог знать раньше: Рай – был Прародителем, и Тепло – было Прародителем, а каждый из нас был его частичкой.

Мы отчетливо и ясно видели Прародителя, его прекрасное сильное тело зеленого цвета с развивающимися оранжевыми жгутиками. Прародитель был больше каждого из нас, и его жгутики были длиннее, он мог использовать их не только для охоты и размножения, но и для перемещения по белой пустыне, нащупывая, цепляясь и отыскивая самый короткий путь к пище. Кольцо, замкнутое посередине его гладкого упругого туловища, было толще, чем у каждого из нас, и переливалось люминисцентными цветами, и ни одна оказавшаяся рядом с ним Половина не могла устоять перед великолепием его кольца. Скорость, с которой он охотился, поглощал манну и давал потомство, была невероятной. Токсичность яда, который струился по его жилам – была убийственной.

Он был первым странником, рожденным не в нашем мире, а в параллельной вселенной, в невесомости, где его сила могла развиваться свободно, не сдерживаемая земной гравитацией. Он был родоначальником и первым в нашей колонии, он поселил в наше сознание уверенность в предназначении и легенду, передав частицу своей силы каждому из нас.

Между тем живительное райское тепло навалилось на нас, и мы размякли. Я ощутил то, чего не чувствовал раньше. По всему моему телу прошла сладостная судорога, а в сознании было только одно слово, одна картина – Предназначение, вот оно моё настоящее предназначение. Судорога прошла еще раз, и моя сила начала струиться из меня, поднимаясь под купол невероятно огромного гигантского Рая, под свод необъятного sklepa клубами разноцветного дыма, синим, желтым и зеленым. Ядовитые струи сочились из каждого из нас, соединялись и перемешивались, становились все

более плотными и едкими, принимая все новые необычные оттенки, и мы видели их в нашем сознании, хотя были слепы.

«И вы увидите, как ваше Предназначение будет реализовано».

Дым становился все плотнее, он принимал всё новые цвета, пока не достиг максимальной токсичности, а затем... Затем начались спазмы и у хозяина подскочила температура.

Бесконечно белая гористая равнина, изъеденная трещинами, котлованами и впадинами, при стремительном удалении от наблюдающих за ней в микроскоп глаз постепенно превращается в гладкие, ровные, матовые половинки яичной скорлупы, оставленные на кухонном столе между раковиной и плитой. По однокомнатной квартире разбросаны вещи, постель скомкана, а на полу сохнут грязные следы обуви врачей скорой помощи, которые сильно торопились и не успели надеть бахилы.

Рыжая кошка обнюхала мокрый след, затем мотнула ушами, брезгливо лизнула сухим языком валяющуюся рядом белую яичную скорлупку, отправляя в путешествие к себе в желудок многомиллионную колонию токсичных бактерий, переступила через ошмётки недоеденной яичницы и, за-

прыгнув на тумбочку, легла в позе железного льва со скульптуры на набережной. Передняя её лапа мягко опустилась на коробку, которую хозяин принёс сегодня с почты. В коробке лежал фитнес браслет, заказанный месяц назад на Али Экспресс. За смешные деньги браслет мог делать всё то же самое, что и его дорогостоящие аналоги: замерять пульс, давление, уровень холестерина и сахара, считать количество пройденных километров, в общем, заботиться о состоянии здоровья своего бодрого, полного силы и физической мощи хозяина.

Несколько дней назад в гости к хозяину квартиры, пришел старший брат, трудившийся уборщиком в какой-то конторе, которая организовывала научные исследования, изучала генетический код микроорганизмов, и как они ведут себя в экстремальных условиях. Себя приятель не без иронии называл «менеджером по чистоте».

Контора закупила на гранты кучу дорогого оборудования, арендовала за копейки помещения в полумёртвом институте, и уже почти окупила стоимость приборов, предлагая их для различных исследований всевозможным организациям. Заказов было много, и все биореакторы, микроскопы, турбины и генераторы частот пахали круглые сутки на полную мощность. В колбах и пробирках что-то постоянно бурбулировало, исторгало пар, вонь и брызги разноцветной биомассы, производя в помещении такую грязь и беспорядок,

что у менеджера по чистоте не было свободной минуты.

Гость вяло сосал пиво, жевал кольца кальмара и рассказывал, что сегодня в лаборатории запустили новый прибор, симулятор невесомости. Оказывается, для микробов нет лучших условий, чем отсутствие гравитации, они начинают расти и размножаться с бешеной скоростью. А вредные болезнетворные становятся ещё более заразными.

– В разы. То есть если, например, от обычной палочки или сальмонеллы еще есть шанс вылечиться, то от той же сальмонеллы, которая выросла в невесомости – сразу «кирдык».

– А из-за чего «кирдык»?

– Из-за токсинов, которые микроб выделяет. У одной сальмонеллы из невесомости концентрация токсинов, как у целой колонии в пару миллионов, страшное дело.

Контора получила какой-то не сильно жирный, но связанный с космическими исследованиями заказ, и народ в лаборатории уже шепчется, что это вроде как НАСА: ведь если вредные бактерии в космосе становятся ещё сильнее и вреднее, то и для космонавтов нужно придумать что-то особенное для защиты.

– В общем, какая-то левая фирма, влезла в тендер, при этом сильно демпинговала, и теперь надо срочно результаты исследований, а своих возможностей нет, и вот они к своему счастью нашли по дешевке наше оборудование в сибирском захолустье.

Этот рассказ не вызвал особо живого отклика у хозяина,

однако когда, гость, наклоняясь за очередным кальмаровым кольцом и расплескивая пиво на диван, вскользь произнес очередную фразу, хозяин фитнес браслета напрягся.

– Блин, сорян, высохнет. Задолбался я сегодня, короче, симулятор оказался непроверенным, запустили, свет мигнул и он заглох, да еще бабахнул, дверца отлетела, весь пол залило дрянью склизкой.

– А что это было?

– ...никогда не было так много, они на самом деле в невесомости размножаются с дикой скоростью. Что было? В смысле, какие это были микробы? Сальмонеллы вроде.

Единственной вполне осознанной заботой хозяина квартиры по жизни была забота о собственном здоровье, поэтому при слове «сальмонеллы», он дёрнулся всем телом.

– Блин, ты хоть помылся? Руки вымыл?

– Конечно, не переживай, там же режим, все моются полностью в конце дня, заходят в бокс, одежду всю снимают, она идёт на стерилизацию, потом в душ, ионный и водяной, потом чистая комната. Всё нормально.

Запиликал телефон, старший брат посмотрел на экран, нахмурился, отключил звук и аккуратно засунул вибрирующий мобильник в карман.

– Жена? – проявил проницательность хозяин.

– Ага, пора младшую купать и пацанов укладывать. Известель уже.

Мобильник успокоился. Гость улыбнулся. Случайно про-

изнесённое слово напомнило ему о другой общей теме:

– А тебя мама ещё не извела? Она меня каждый раз, как приезжаю, спрашивает, ну когда Вадим с Надей уже ребёнка заведут, когда же когда. Ну, так когда? Что соврать-то?

Тема веселила старшего брата настолько, насколько младшего – напрягала:

– Ну, скажи, что я об этом ещё не думаю.

– Не могу, говорил уже.

– Тогда скажи, что никогда.

– И это не могу, не поймёт.

– Да я знаю, что не поймёт, – младший растерянно смотрел в окно через желтую жидкость с пузырьками в стакане.

– Просто я думаю, что у меня какая-то более серьёзная цель, чем размножение, прости – *воспитание* детей.

Гость пожал плечами.

– Да, я не обижаюсь, с прошлого раза. Я же тебе тогда сказал, что дети – это единственный способ понять, есть ли у тебя вообще какое-то предназначение. По-моему.

– Я помню, но я тогда чего-то недопонял.

Старший поставил пустой бокал на столик и следующие слова говорил жестикулируя, словно раскладывая слова по воображаемым полочкам:

– Смотри, раскладываю по полочкам. Если у тебя после всей нервотрёпки с детьми, – нервотрёпка легла на полочку слева, – после бессонных ночей, – взмах руки уложил бессонные ночи направо, – после отсутствия свободного вре-

мени даже в туалет сходить, – тоска по уединению отправились направо и налево поровну, – если после всего этого у тебя ещё останутся желания заниматься чем-то ещё – значит это твоё, твоё предназначение, – последний вывод, судя по движениям рук, был в объёмистом свёртке уложен на полочку прямо перед носом младшего брата. – Дети – это такая тотальная проверка: важно для тебя что-то на самом деле по жизни или нет.

Умудрённый гость сделал значимую паузу.

– Смысл имеет то, на что остаются силы и желания после детей. Если сил не осталось и желаний не осталось, значит, твоё предназначение – родитель, и это тоже очень и очень достойно. Помнишь, когда у меня первый родился, я сказал, что дети расставляют приоритеты. Я тогда имел в виду, что они – и есть главный приоритет. Это так. Я думал, так и будет. Но кроме этого они ещё дают понять, есть ли у тебя вообще что-то за душой.

– То есть забить на детей и заниматься любимым делом, на гитаре брэнчать? – вдруг огрызнулся младший.

– Да, не передергивай ты. Нужно стараться быть хорошим родителем в любом случае. И заниматься можно чем угодно, просто пока у тебя не случились дети, ты не будешь знать наверняка, можешь ты жить без этого своего увлечения или нет.

– Давай, хороший отец, короче, досасывай пиво и тащись домой, дети заждались, забыл? – младший громче, чем хо-

тел, звякнул пустой бутылкой по столу, и сел боком. Такой объём жизненного опыта оказался вдруг явно больше того, что он был готов сегодня принять. Вот пустозвон, не заткнешь, как начнёт философствовать. Две вышки, а работает техничкой. Это временно, говорит, так с одной работы попёрли, и с другой попрут, если только болтать и умеешь.

– Ну, вот теперь ты обиделся, – старший допил свой стакан. На душе была досада. Внезапно он театрально расширил глаза и всплеснул руками:

– Значит воспитание – не твоё, размножение – не твоё,

может, и жизнь вообще – это не твоё?

Младший взглянул на брата, хохотнул, и гость, стараясь скорее сменить обиду шуткой, скроил страшную рожу и скрючил пальцы:

– Значит твоё – это смерть? – и тут загробный голос дрогнул и стал нормальным, – красивая кошка у тебя, зараза, ласковая.

Рыжий пушистый зверь, урча забрался на спинку дивана, потерся о лохматую голову специалиста по чистоте, и шерсть, заряженная статическим электричеством, захватила в себя крошечного пассажира, увидеть которого можно было бы только в мощный микроскоп. Пассажиру, уже пережившему за сегодня симулятор невесомости, разряд тока, ливни воды и ионный душ, электричество было нипочём. Его продолговатое зеленое тело, скруглённое на концах, жаждало жизни, оранжевые жгутики извивались, и яд, покоившийся внутри, пульсировал в ожидании.

Кошка перепрыгнула на кухонный стол, уселась возле неразобранного пакета из супермаркета с хлебом, творогом, молоком и яйцами, и начала вылизываться. Раз, два, влажным языком по вытянутой лапе снизу вверх. Три – и зеленый пассажир, зацепившись за кошачий язык, взлетел в воздух, и совершив плавное путешествие по пластам воздушных масс, приземлился на белоснежную поверхность яичной скорлупы, которая при сильном приближении становится похожа больше на гористую, изъеденную впадинами и овра-

гами равнину.

Его прибытие произвело переполох среди обитавшей на равнине колонии сальмонелл.

– Кто это, кто это, кто это появился?

– Кто-то новый.

– Кто-то – другой.

– Чувствуете, он не похож на нас, он сильнее, вы чувствуете его силу?

– Кто же вы?

– Я – ваш Предводитель.

– Пра... родитель?

«Да, вы не только слепые, но и глухие... Ну, пусть будет Прародитель, тоже хорошо».

– Да, я ваш Прародитель, и я дам вам смысл существования. Плодитесь и размножайтесь!

– Да, мы же и так только этим и занимаемся, Прародитель...

– Молчать! Слушать меня. Вы будете странствовать по белой равнине и затем обретете Рай, но вы должны осознать своё Предназначение, а для этого нужно время, двадцать циклов вы будете скитаться, а потом ударит мороз, а после него – жара. Не все выживут, только самые сильные с железной волей и каменным телом, и они вступят в рай и увидят, как реализуется их Предназначение.

– Но мы же слепы Прародитель.

– Вы болтливые безмозглые твари. Вы будете скитаться

не двадцать, а сорок циклов. Еще одно слово, и я добавлю ещё парочку!

После этих слов мы замолчали и начали полагаться только на свои ощущения и внутреннее зрение.

Так многомиллионная армия микробов зарядилась ядом убийственной силы, рожденным в симуляторе невесомости, обрела высший смысл и начала путешествие по белой равнине яичной скорлупы в ожидании своего Предназначения.

Рыжая кошка еще раз оглядела беспорядок, оставленный в комнате торопившимися санитарями, зевнула и закрыла глаза. Она была сыта, а плошка стояла наполненная водой. Через трое суток её желудок скрутит от голода, и она начнет истошно мяукать, а соседи будут злиться и вызовут спасателей, но сейчас – всё в порядке, и самое время вздремнуть.

Вечером этого же дня хозяин кошки и новенького фитнес браслета, молодой человек, совсем недавно вставший на долгий путь к осознанию собственного предназначения, умер от сальмонеллеза в больнице скорой помощи на другом конце города.

Замрут часы, и я умру

ПЕРВАЯ Новый год

Под Новый год главные городские часы на театральной площади поменяли мелодию. Теперь каждые полчаса играет Щелкунчик, конечно. Пара моих часов лежит в шкафу и ждёт какого-нибудь торжественного мероприятия или собеседования. Когда не нужно пускать пыль в глаза, часов на смартфоне вполне достаточно, только ночью спросонья экран слепит глаза.

Носить на руке приспособление, постоянно тайком подсчитывающее какое-то невидимое, неосязаемое нечто, которого никогда не хватает, и не хватит, это уж слишком беспокойно. Мои часы будут так же исправно и неумолимо отмерять время за закрытой дверью зеркального шкафа, когда не станет меня. Но чье время? Ведь это мои часы, а значит, и время отмеряли моё, а теперь? Тикающее насекомое будет шебуршать шестерёнками, цепляя и утаскивая в бездонную пропасть секунды, минуты и часы абсолютного, не принадлежащего никому, времени. Вечно, жутко. «Вечность» и «я» в одном предложении вызывают ледяной сквозняк, и я зябко ёжусь. Лучше не думать об этом.

Приходит Новый год, и часы из дьявольской машины пре-

вращаются в таинственный реквизит снежной волшебной сказки. Для Золушки с двенадцатым ударом чудо заканчивается, а для нас начнётся снова, с первого числа первого месяца нового счастливого года. Главное внимательно вслушиваться и считать удары курантов, и если не упустишь ни одного, тогда точно сбудется.

Тридцать первого декабря я сижу в аэропорту. Сейчас десять минут двенадцатого – так говорят старые электронные часы с толстыми цифрами из зелёных горящих точек, где таких только не висело в детстве, – и мой рейс опять задержали. Размышляя, как же я буду считать удары курантов, если придётся встречать новый год в воздухе, я вслушиваюсь в слюнявую пьяную болтовню довольно симпатичного мужика, который толкует мне, что только что проводил своего приятеля и теперь поедет домой встречать новый год со своей невестой.

А я думаю про звон курантов, и представляю, как было бы хорошо сейчас вмиг перенестись через пару тысяч километров и оказаться в двенадцать часов тридцать первого декабря под самыми большими часами и самой высокой ёлкой, на заснеженной, расцвеченной огнями и окружённой силуэтами далеких гор за блестящей рекой, на театральной площади моего родного города.

ВТОРАЯ Не сегодня

Странный он, этот Вадик, но Надю к нему тянуло магнитом. Он же вообще толком не учится, появляется только на сессию и на курсовые пьянки. И ведь сдаёт же, сдаёт все зачёты и экзамены, в академ ни разу не ходил, Были на первом курсе пара-тройка альфа-самцов, которые хорохорились, пропускали по месяцу, приговаривая «от сессии до сессии». Так вот все в академ и пошли после первого курса, а кого и отчислили, но Вадик – проскочил.

– Он конечно, ничё так-то да? Не дрищ, и не жирный. Фигурка – норм.

– И не воняет от него, кстати, никогда, одеколончик, ботиночки, личико не жирное, голова мытая.

– Да, Танюха, это не твой качок, от которого за километр потищем несёт как от коня.

– Ну, он, не мой, вообще-то.

– Ну, ведь мутили?

– Ага, – Таня спешит сменить тему и объект общего интереса, – а помнишь Надюха, на первом курсе, когда собрались у меня в первый раз, там Вадик ко всем подкатывал, все ржали, помнишь?

– Конечно. «Это судьба!» и так еще в глаза сморит, руку на плечо положит, лицо серьёзное, сдохнуть можно.

Девочки смеются, и их голоса мешаются в галдящий

шум ночного фаст-фуда. Гамбургеры съедены, но картошки и чипсов с пепси ещё много. Сейчас конец декабря, сессия. Фаст-фуд находится в квартале от общаги, и когда мозг после многочасового чтения тетрадей с записками сумасшедших лекций и прослушивания их на телефоне начинает требовать топлива, ноги сами несут к пережаренной картошке и майонезу. Вся измученная экзаменами и тоскующая по отрыву не спящая студенческая публика тусуется в забегаловке у автобусной остановки – после двенадцати ночи тут здоровые скидки – и игнорирует фаст-фуд через дорогу, там дороже.

Гуляющие обеспеченные граждане зрелого возраста недоумевают, почему жральня с одной стороны дороги забита народом, а вторая такая же, горящая окнами напротив – пустая, и строят предположения о тайных ингредиентах, вызывающих привыкание, и зарекаются позволять своим детям ходить сюда, а дело при этом всего лишь в скидке в пятьдесят рублей, ощутимой для студенческого кармана.

– Вообще ржач, думали, что это он напился просто, ну тогда все перепились, конечно.

– Ну да, от смущения перепились.

Общий смех.

– Так он так ни с кем тогда и не замутил?

– Нет. Ну, во всяком случае, мне – неизвестно, вы же меня уже допрашивали.

– Да ладно, Надя, он же к тебе подкатывал, вы же потом ушли в приват. Что, хочешь сказать, ничего не было?

– Нет.

Выражения лиц подруг требуют продолжения с пояснениями.

Надя, опустила глаза и потянула пепси через трубочку из бумажного стакана. Стакан сморкнулся, и Надя нехотя по слогам, безнадежно выдавила:

– Он сказал, что это сакральный акт, и мы к нему ещё не готовы.

Подруги заулыбались и мельком переглянулись, но так, что предмет иронии мог заметить это обидное переглядывание.

– Ну, да вот такой фрукт. Пуля в башке.

– Овощ, точнее.

Все закатились, и Надя тоже, она не обижалась. После паузы, заполненной соленой картошкой и сладкой газировкой, Светка сказала:

– Везение, конечно у него есть. Фэномэнальное! – подруги снова улынулись, вспомнив препода по высшей математике и его любимое словечко.

– Как он эту сессию сдавал, вообще потрясающе, а ведь ни разу не появлялся.

– Из параллельной девчонки говорят, что он всегда учит только один билет, и ему всегда попадается именно этот билет. Это он им так сказал.

– Как так?

– А вот так.

– Мистика.

– Да он – ведьм!

– Ведьмак.

– Чушь какая-то, это он просто клеил у них кого-то, это чисто везение. О, это же Виктор!

Подруги замолчали и помахали вошедшим в фаст-фуд троим парням одноклассникам, все кроме Танюхи. Один из парней был атлетически сложенный Виктор, с ударением на последний слог, качок, с которым Танюха встречалась полгода назад. Три спортивных костюма прошли мимо к раздаче, и Танюха, которая тщательно выбирала картошку подлиннее, нарочно не обращая на них внимания, зажала нос и изображала отвращение от жуткой вони. Подруги всё поняли и затряслись от смеха.

– Одэколон, Виктор, где ваш одэколон? – вполголоса произнесла Танюха и вдруг стала серьёзной, – вот про везение нашего Вадика. Сегодня же видели?

Конечно, они видели. Почти вся группа была свидетелями стычки между Виктором и Вадимом, которая произошла в очереди на экзамен по философии.

С половины девятого группа постепенно подгребала к аудитории и распределялась по очереди. Потом сообща прикинули, сколько времени уходит на подготовку и ответ, и вторая половина очереди рассосалась в буфет и на улицу курить, чтобы не торчать перед дверью в душном коридоре битых час или два. Виктор должен был войти в десять трид-

цать.

Вадик прибежал, запыхавшись, в десять двадцать пять и стал допытывать мандражирующих одноклассников, кто должен пойти на экзекуцию через пять минут. Ему сказали, что Виктор, но он где-то шарится и, скорее всего, пропустит очередь. Тогда Вадик сказал, что он опаздывает и можно, пожалуйста, пожалуйста, вместо Виктора пойдет он, потому что он сильно торопится, с работой заморочки, он подрабатывает, и надо успеть. Мандражирующие соглашаются, потому что никто не хочет быть растерзанным на полчаса раньше отмеренного срока, и Вадим с облегчением выдыхает и входит в кабинет ровно в десять тридцать. А ровно через минуту с телефоном прижатым к уху из кабинета вылетает красный профессор философии по фамилии Прострацкий и устремляется в преподавательскую, шипя в трубку: «Мама, если я обещал заехать, я заеду, мы поменяем твой радиоприемник, не волнуйся, у меня сейчас экзамен, потерпи, пожалуйста». Прострацкий, не с первого раза попав ключом в замок, в конце концов, хлопает дверью, и прижавшиеся к стене студенты слышат его глухой крик: «Нет, его поменяют, у меня есть чек, да, у меня есть чек, мама сколько можно!»

Садо-мазохистская семейная разборка продолжается минут пятнадцать. Мать Прострацкого полгода назад вышла на пенсию в звании доктора философии из того же университета, однако исполинский ум и интеллигентность этой уважаемой женщины по иронии судьбы всю жизнь органично

сочетались с потребностью ежедневно долбить единственного сына, требуя постоянного к себе внимания.

Пока профессор, проклиная всё на свете, исполнял сыновний долг, ожидающие в коридоре студенты с завистью заглядывали в аудиторию, где их одноклассники остервенело готовились к ответу. У каждого горел экран смартфона с фотографиями страниц учебника, а у кого-то торчал наушник с записанной лекцией. Навыки интернет сёрфинга демонстрировались олимпийские, и списывание шло полным ходом. Звенящая тишина, шуршание ручек по бумаге и пиканье экранной клавиатуры, красные лица, остекленевшие глаза и полуоткрытые рты. Каждый из сидящих в аудитории превратился в строку поиска, в передаточное звено между своим телефоном и листом бумаги. Потееющие руки с бешеной скоростью сдували максимальное количество информации без малейшей возможности что-либо осмыслить.

– Ну вы и гады, долбаные везунчики! – если бы подобное произошло в школе, в класс бы полетели бумажки и ручки и отвлекающих реплик было бы больше, чтобы не дать счастливым в полной мере воспользоваться свалившейся удачей. Но сейчас полные сознания своей взрослостью студенты престижного ВУЗа должны были солидно отпускать желчные замечания.

– Се ля ви, чуваки, да закройте вы дверь, чё вы как эти, – звучали из аудитории злые голоса, – мы же не специально, просто повезло.

Каждый из оставшихся в коридоре был зелёный ещё и от зависти к Вадиму, который так удачно пролез не в свою очередь, и теперь сосредоточенно сдувал с фотографии конспекта ответ про французский экзистенциализм. Все хотели быть на его месте, но больше всех этого хотел опоздавший Виктор, который примчался впопыхах из курилки, услышав, что «маменькин сынок» заперся в преподавательской, и все, кто успел взять билеты, теперь списывают так, что руки дымятся. Винить Виктору нужно было только себя, без профессора он не мог бы взять билет, даже если бы Вадима не было в аудитории. Но этот чёртов счастливчик! Опять ему повезло, и Виктор злобно заглядывал в кабинет, а потом, когда на него смотрели одноклассники, долбанул пару раз от досады о стену кулаком

Когда доктор и профессор бросили трубки каждый на своем конце провода, и воспитанный философ, сын философа, вернулся в аудиторию, его встретили святящиеся скромной радостью и интеллектом лица. Конечно, все кто готовился к ответу в его отсутствие, получили как минимум четвёрки.

– Ты чего полез без очереди? – Виктор припёр Вадима к стене. Счастливчик вышел из аудитории, и с извиняющимся видом пожимая плечами, пытался засунуть в сумку зачётку с пятёркой, однако от толчка потерял равновесие.

– Ты чего полез, умный? – чтобы подняться, Вадиму нужно было протиснуться между стеной и рельефом качка.

– Мужик, ты чего, ты же сам опоздал, всё равно бы не за-

шел без профессора.

– Не твоя очередь – не лезь, понял, счастливчик, а то я тебе счастье... укорочу.

Виктор усмехнулся удачно найденному слову, пихнул Вадима грудью, чтобы тот ещё раз стукнулся о стену и под вялые реплики одногруппниц «Витя, не надо, Витя, успокойся» зашёл в аудиторию.

Ну да, он не боец, этот Вадик. В драку не полез, но как он странно смотрел на Виктора, совершенно спокойно, чуть опустив голову на бок, наблюдая и как будто что-то прикидывая. Затем хмыкнул, увидел свою открытую сумку, и наконец-то засунув в нее зачётку, и направился по коридору. Надя догнала его перед выходом на лестницу.

– Ну, и что ты ему сказала, своему кавалеру недоделанному? – спросила Светка, вынув из пакета руку с трепещущим бутонем чипсов. Они с Танькой видели эту безобразную сцену, стоя перед аудиторией, и теперь необходимо было узнать все подробности, чтобы составить информированное мнение.

– Да ничего особенного, и совсем он не недоделанный. Сказала, что Виктор идиот, и не надо брать в голову.

– Да, идиот, это точно, – серьёзно подтвердила Танюха.

– Ну, и спросила, пойдёт ли на новый год.

– Ну, и как? Пойдёт?

– Да, – и Надя улыбнулась.

Танюха и Светка переглянулись.

– Ты думаешь, он уже... готов? – спросила Таня.

– Да, идите вы.

Странный он, этот Вадим. Когда Надя догнала его, то сразу увидела, что спокойствие было деланным: губы злобно поджаты, глаза презрительно сужены. Первое, что он сказал было: «Ты слышала, он хочет укоротить мое счастье?» – «Да, он debil...» – «Никто не сможет укоротить мое счастье» – и это был страшный, похожий на шипение шёпот. «Да, это тупость какая-то, ты что, это слова просто» – «Ну да, слова».

Вадим, как будто опомнившись, отвернулся и перевёл дыхание. Надя, сначала напуганная, тоже успокоилась.

– Ты же пойдешь к Танюхе, на новый год?

– Да, да, – и Вадим вдруг быстро заговорил, – да, помнишь, что я тебе сказал, год назад, помнишь? Так вот – у меня всё сошлось!

Не всё, что случилось на той эпохальной пьянке, Надя готова была передать подругам. После танцев она с Вадиком, уже довольно кривые, оказались за закрытой дверью спальни, и там начался, вроде как, стандартный романтик. Она спросила, кто он по знаку зодиака, а он засмеялся и сказал, что это чушь. Ну, а она сказала, что многие так считают, но иногда знак говорит про характер. Тогда он сказал, что она его неправильно поняла, и что это чушь, потому что люди, которые говорят об астрологии, совершенно не понимают, о чем они говорят. Он же относится к этому очень серьезно. А по знаку зодиака он Змееносец. Тогда Надя сказа-

ла, что такого знака нет, на что он сказал: «Вот видишь, ты тоже не знаешь много чего». Надя спросила, не хочет ли он узнать её знак, а он сказал что, что бы она ни сказала, это будет неправильным, лучше пусть скажет свой день рождения.

– Ты же не задумывалась, ну, так чтобы серьёзно, почему предсказания всякие, гороскопы на день, на неделю – почему они почти никогда не сбываются?

– Ну, бывает, что сбываются.

– Но очень редко. А когда это всё было изначально придумано?

– Сто лет назад?

– Сто! Две тысячи. Это же всё про то, как звёзды, Луна и Солнце расположены на небе в определённый момент времени. Времени, понимаешь. А как люди измеряли время тысячу лет назад? – спросил Вадим и тут же ответил сам, – Да, чёрт его знает, как! Вот в книге тысячелетней давности написано, что второго ноября тысяча сто пятого года Луна находится в созвездии Весов. Ну да, она там находится, но по сегодняшнему календарю это может быть не второе ноября, а второе декабря, месяцы разницы, понимаешь. А все эти бандерлоги-астрологи берут и переносят тот древний календарь на сегодняшний, понимаешь.

– А Нострадамус. Он же все чётко предсказывал.

– Да, чётко, но у него масштабы – годы, столетия, в этих масштабах можно более-менее попасть. А вот чтобы точно сказать будет ли у Нади Резинкиной сегодня удачный день

или лучше вообще из дома не выходить, вот это задача. Для этого нужно пользоваться именно тем календарём, который был, когда жили предки Нострадамуса.

– Ну, наверное, вообще невозможно предсказать с точностью до дня.

Вадим усмехнулся:

– Можно и до часа, и до минуты. Все зависит от того, каким календарём, и главное какими часами пользуешься.

Надя слушала, внимательно глядя в его глаза, посвёркивавшие в полутёмной комнате. С ним было интересно и уютно, и возможно, даже будет хорошо.

За закрытой дверью продолжалось поглощение спиртного, и стоял плотный ржач. Она придвинулась к нему ближе, подвернула под себя ноги, и наклонилась, чуть коснувшись грудью в мохнатой кофточке его предплечья. Сигнала было достаточно, Вадим быстро положил жвачку на стол, легко притянул к себе её голову и долго поцеловал.

Однако, дальше ничего не произошло. Хотя в комнату никто не ввалился, а ржач и громкая возня за дверью продолжались ещё долго. Вадим, вскочив, ходил по комнате и нёс какую-то чушь про сакральность момента, и что надо сначала всё хорошенько посчитать, и что она не должна на него обижаться, потому что это всё из-за заботы о ней же. Ведь у людей проблемы из-за того, что они легкомысленно относятся к близости, теряют энергию на неправильных людей, за зря, и что Надюха ему очень важна, поэтому ещё рано.

А Надя всё это время сидела, опираясь о край кровати, закинув ногу на ногу, глядела в пол, и думала, что она скажет Танюхе и Светке, которые видели, как они с Вадимом ушли вместе. А потом поднялась, натянула Танькины тапки и, быстро проходя к двери, сказала: «Да, ты молодец». Вадим наклонился и попытался поймать её губы, но она отвернулась, и он только коснулся волос около уха. Надя вышла за дверь, думая, что он конечно интересный, но эти сакральные заходы – чересчур. Хмель, который был приятен наполовину с желанием, теперь стал тупым и неприятным. Надюха оделась, преодолевая качку, в которой болтались одноклассники со столом, холодильником и прочей мебелировкой крошечной Танькиной секционки, и уехала домой, с отвращением понимая, что теперь вечер наверняка закончится вертолётными и эмалированным тазиком.

А потом были новогодние каникулы и лыжи с плюшками и Слава из параллельной группы безо всяких заморочек, с которым можно было обсудить вопросы шопинга, брендов и прочего бреда. Слава демонстрировал здоровое отношение к возможности провести ночь с девушкой, которой до ужаса не хочется быть в Новый год одной или в обществе развесёлых подруг, благополучно устроивших свою личную жизнь.

А потом прошли полгода и год, и была ещё пара приятных мальчиков. Помимо замечательно сложенной фигурки в Надином арсенале было также симпатичное личико с распахнутыми глазами, которое и без макияжа было милым,

а после теней, карандаша и помады приобретало магнитные свойства для мужских глаз. Рост её был не сильно высоким, чтобы пугать неуверенных, и не сильно низким, чтобы вызывать игнор амбициозных парней. Дефицита внимания она не испытывала, поэтому совершенно искренне не понимала, когда менее привлекательные подруги делились с ней личными проблемами, но это непонимание не мешало ей так же искренне им сочувствовать и изо всех сил стараться их развеселить.

Иногда Надя ловила на себе внимательный взгляд Вадима, который появлялся только на сессии, и непонятно, чем занимался между. Когда она видела его, и вспоминала их неудачное свидание, ощущения были, как ни странно, тёплыми, и немного щемила досада от упущенного, недоговорённого, незаконченного. Пару раз они сталкивались нос к носу, но поговорить не получалось, потому что Надя от внезапного смущения не находила непринужденных слов, а Вадим постоянно куда-то спешил и скрывался с извиняющимся взглядом, кинув «привет».

И вот спустя год, увидев как Вадим сцепился с Виктором на экзамене по философии, Надюха поняла, что она ужасно соскучилась по нему, по их тогдашнему разговору, и по ощущению простой теплоты, которую она никак не могла получить, несмотря на то, что совсем не страдала от одиночества.

«Он сказал, что у него всё сошлось, вот чудик», – думала Надя и улыбалась в ожидании вечеринки.

ТРЕТЬЯ Черепаха

Через неделю после экзамена по философии накануне Нового года случилась пьянка у Танюхи. Она была не такая безбашенная как раньше: кто-то был уже по парам, а кто был без – завидовал спарившимся и грустил. Те же, кто недавно с кем-то встречался да расстался, до последнего момента не знали и тщательно взвешивали, идти или нет, ведь всё зависело от того, пойдет ли бывший, с которым – или которой – «я не то, что пить, вообще рядом... не сяду». Кроме того, многие должны были с утра ехать по домам в разные городишки к родителям, поэтому утром надо быть огурцом и верить, что в новогоднюю ночь всё восполнится.

Надька ждала Вадима, и беспокоилась, как он поведёт себя с Виктором, который был тут же, притащился, несмотря на то, что Танюха его совсем не звала, а он усиленно, под влиянием новогодней романтики и воспоминаний об утраченной фигуристой собственности, со всех сторон к ней подкатывал. Он припёр с собой заготовленный приколы про северных оленей и теперь радостно им щеголял.

– Вот олени Санта Клауса, Рудольф есть такой, олень. Они все с рогами да? А, между прочим, олени, северные, сбрасывают рога в ноябре, поэтому к новому году они должны быть лысые, а у Санта Клауса они почему-то все рогатые. А не сбрасывают рога, знаете кто?

Все молчали в ожидании сальности с заранее растянутыми улыбками.

– Только самки или кастрированные. Кастрированный Рудольф. Ха-ха, или он вообще – самка.

И Виктор ржал.

– Короче везде пендосовские темы, даже Кристмас с оленем трансвеститом!

Компания сильно хотела поскорее себя развеселить и присоединялась к смеху юмориста.

Было скучновато, и Надя очень обрадовалась, когда наконец-то появился Вадим.

– А вот и наш счастливчик, – закричала Танюха, – и побежала целоваться.

Лицо Вадима было серьёзным, и как будто совершенно не тронута новогодним настроением. Он осмотрел комнату и нахмурился, увидев Виктора, который нахмурился в ответ и упёр руки-в-боки, стараясь занять как можно больше пространства.

– Надюха, вот и твой кастрированный олень пришел.

– Витя, ну блин, перестань, новый год, не порть.

Вадик не обратил внимания на «кастрированного оленя», улыбнулся, увидев Надю, поманил и увлёк её в коридор. Дверь захлопнулась, и они оказались тесно прижатыми друг к другу на выстуженной лестничной площадке. Он дёрнул вниз молнию куртки, накинул её на девушку, прижимая к себе плотнее и обнимая за талию. Это произошло в течение

секунды, быстро и привычно, как будто они всё время встречались этот год, и он был её парнем. Она чувствовала именно так, естественно, и не сопротивлялась, и сладкое нахлынувшее на неё чувство было почему-то страшно знакомым. Ей было уютно, спокойно и тепло.

– Надя, я сейчас тебе скажу что-то очень важное, и ты должна согласиться.

– Хорошо, – соглашаться с ним было легко.

– Мы должны встретить этот Новый год вместе.

– Хорошо, мы и так вместе, ты же зайдёшь, или как?

– Нет, ты не поняла. Вместе – вдвоём, с тридцать первого на первое, я тебя приглашаю завтра ко мне. Мы встретим Новый год вместе.

Надя смутно помнила, как закончился тот вечер. Вадим поцеловал её в кончик носа и исчез, а она вернулась к одногруппникам, и потом стало веселее, но она всё время думала про Вадима, смотрела на часы и представляла, как они встретятся завтра, и закрывая глаза, в дымке видела его улыбающееся лицо. Ночью она не могла заснуть и затем, встав утром, поехала в бассейн, затем суетилась по дому, снова легла под сериал на ноуте, но сон так и не пришёл.

Ровно через двадцать четыре часа после их встречи, без пяти двенадцать тридцать первого декабря, она поднялась на лифте на последний этаж единственной в городе пятнадцатизаэтажки в центре. Когда Надя прочла смс-ку с адресом, она поняла, что никто не знал, где живет Вадим, и просто

удивилась, что это в центре, в самом крутом доме. Кроме адреса было записано ещё и точное время, и сердечко. Надя не обращала внимания ни на крутизну дома, ни на пошлость сердечка, она просто хотела поскорее увидеть Вадима.

Дверь распахнулась, и она упала ему на шею, обвив руками и утопая в губах. Он поднял её и понёс куда-то по длинному коридору вглубь, и сквозь прикрытые веки она видела только его лицо, и не обращала внимания на необъятность тёмной квартиры. Они опустились на что то мягкое и пушистое, одежда улетучилась, и началась сладкая качка и невыносимо тяжёлая нега навалилась, обволокла и не давала поднять веки, и затем от низа живота до кончиков пальцев по телу волнами покатила дрожь, и за двенадцатой волной на улице внизу закричали «ура!» и начался фейерверк.

Надя так и не открыла глаза и проспала какое-то время, то ли пятнадцать минут то ли полчаса, чего обычно не бывало. Может быть, причиной была прошлая бессонная ночь и бестолковый суматошный день. Неясно. Всё было по-другому.

Проснувшись, Надя подняла голову и осмотрелась. Она лежала на полу на белой звериной шкуре в огромной комнате, которая освещалась только фонарями с улицы и пульсирующими вспышками фейерверков из окон до пола и во всю стену. В квартире, похоже, снесли все перегородки, превратив её в необъятный лофт с барной стойкой, которая отделяла маленькую кухоньку. Высокий стул у стойки составлял

всю меблировку просторного жилища.

Вадим стоял спиной к ней около окна и считал фейерверки. Один, два, три. Он насчитал пятнадцать штук. Почувствовав Надино движение, он обернулся и улыбнулся девушке. Из одежды на нём были только массивные часы на левой руке. Он смотрелся как с обложки журнала – все кубики на своих местах, и увидев его, Надя снова почувствовала тянущее томление в мышцах, но часы на голом парне показались ей комичными, и она невольно заулыбалась.

– Сколько я спала? Они всё ещё палят.

– Всего пару минут. С Новым годом.

– С Новым годом. А мне показалось, что целый час.

Она перевернулась на живот и легла щекой на шкуру глядя на Вадима. Вспышки за окном раскрашивали её кожу тенями.

– А, зачем тебе часы?

Она засмеялась, прикрывая губы.

Вадим улыбнулся еще шире и, приблизившись, к ней сел на колени:

– Браки свершаются на небесах, девочка моя, но главное тут всё же не место, а время, – и он показал пальцем на часы на своей руке.

Надя удивленно подняла брови. Какие браки? Полегче, Ромео. Получается, он точно рассчитал время, когда мы должны были делать это. Заниматься любовью по расписанию ей ещё не приходилось. По книжке – да, с одним мальчиком на йоге, и при этом была конечно гордость за спортивные достижения, а удовольствие – так себе. Но по часам начинать и заканчивать. Вот это да. Надя прыснула и уже не могла остановиться. Вадим смеялся вместе с ней, потом тряс за плечи, заглядывая в лицо, говорил её имя, затем шептал.

Через какое-то время она снова очнулась. Да, в этом было конечно что-то странное. Ботаник с часами. Но на ботаника не похож, мамочки, вы посмотрите на эти мышцы. И чего лукавить, это же гигантская квартира, и часы, сколько стоят

эти часы, откуда у него это всё, и чего ему надо от меня?

Надю охватило беспокойство, и она начала тормозить спящего рядом с ней принца.

– Вадим, мне так хорошо с тобой, но я... Я тебя боюсь, – губы её нервно дернулись, – ты кто?

Принц лукаво улыбнулся:

– Ты знаешь, я, похоже, единственный, настоящий звездочет на земле.

– Астроном?

– Нет, что ты, астролог.

Он опёрся на руку и, лежа на боку, заговорил. Его голос действовал на девушку успокаивающе и Наде хотелось сразу забыть про свои страхи, но она заставляла себя сосредоточиться и вслушиваться в слова. Ей казалось, что сначала он говорил то же самое, что и год назад на той колоссальной вечеринке с их неудачным свиданием. Тогда его слова показались пьяной и нарочито таинственной болтовней, выдуманной с единственной целью склеить захмелевшую одnogруппницу. Теперь её удивила простая мысль, которая ни разу за это время не пришла в голову. Ведь если целью болтовни было просто заняться с ней сексом, то почему же секса-то не было? Чего-то ты не поняла, Надька.

Он рассказывал, что со школы интересовался астрологией, определял зодиаки одноклассников по дням рождения, читал, и очень скоро задался вопросом, почему же астрологические предсказания не сбываются. Почему их так много

и почему они не сбываются.

На первый вопрос ответила психология. Людям необходимо чудо и осмысленность жизни, ощущение, что их ежедневное копошение ведёт к какой-то цели. Сегодняшняя удача должна быть вознаграждением за вчерашние неурядицы. Даже само ожидание удачи – греет и даёт силы. Этот отчаянный спрос родил необъятную массу предложений: гороскопы и предсказания на каждый день по интернету, ТВ – везде. Но почему же не сбываются? Может, на самом деле, это чушь собачья, но ведь есть примеры потрясающих прозрений, как же быть с ними.

Слушая Вадима, Надя потихоньку осматривалась. По центру длинной стены висит большой плакат с чернокожим баскетболистом, на полу то там, то тут, валяются раскрытые журналы. Надя посмотрела на лежащий рядом со шкурой глянцевоый разворот. Футбол. Ну что же, принц не без изъяна. Противоположная стена заклеена обоями в клетку, а другие стены однотонные, цвет непонятен в темноте. А нет, это не клетка, а буквы и цифры. Это же календари, вся стена в календарях, названия месяцев шрифтом покрупнее и дней недели помельче на разных языках. Оригинально.

Шорох заставил её повернуть голову. Раскрытая обложка с перекошенной рожей и футбольным мячом толчками ползла в её сторону. Надя взвизгнула и быстро села обхватив колени руками.

– Это Машка, не бойся, – сказал Вадим, вздрогнув от её

крика.

Он поддел журнал ногой, перевернул и поднял с пола черепаху, которая медленно ворочала в воздухе головой и лапами. Вадим, чмокнул черепаху в нос и поднёс к девушке. Надя, которая боялась только мышей и прочих шерстяных грызунов, а к хладнокровным голым гадам испытывала вполне тёплые чувства – раньше у неё жил уж – погладила Машку по каменной спине и шершавой голове:

– Привет, Машка. Предупреждать надо, – это уже было адресовано хозяину черепахи, который пожал плечами и продолжал.

Ответ пришел на уроке истории в восьмом классе, когда среди рассказов об ужасах русских революций между делом проскочило упоминание о занятном, но не более, событии: о переходе с Юлианского календаря на Грегорианский. И Вадика осенило – календари были разные. Великие астрологи и предсказатели, которые жили давно и прозревали вглубь времён, как в прозрачную воду – у них же был другой календарь. Чтобы предсказывать, как они, нужно пользоваться календарем, который был у них.

Вадим откопал кучу старых календарей. Изучая движение звезд и планет способами, описанными в старинных книгах, он накладывал их не на современный календарь, а на те календари, которые предположительно существовали во времена знаменитых астрологов, на календарь, по которому жил

Ностадамус в 1555 году, когда издал свой первый альманах, или чуть раньше Парацельс, или безымянные колдуны майя на заре новой эры.

Он начал пробовать предсказание событий. Букмекерские конторы предоставляли массу возможностей для практики, и он начал ставить небольшие суммы на футбол и баскетбол.

Первую ставку он сделал в конторе в здании бывшего кинотеатра. Была суровая зима, минус сорок три днем. От его деревни до города – час езды на рейсовом автобусе и потом от автовокзала до кинотеатра еще полчаса. Вадим промёрз до костей на остановках и ещё беспокоился, что надо управиться, как можно быстрее, пока родители его не хватились: в одиночку кататься в город было не принято, а он по понятной причине не хотел брать в поездку никого из приятелей.

В конторе было холодно, как на улице. Обогревались только комнатки за окошками касс, где сидели две принимающие ставки девушки, а в промёрзшем тамбуре толпились похожие не неваляшек завсегда и в толстых пуховиках, унтах, ватниках и ушанках. Они сурово рассматривали таблицы на стенах, брали у кассы бланки и отходили к одному из двух высоких круглых столиков, где, дыша на привязанную бечёвкой шариковую ручку, выписывали на бумажке свое послание судьбе. Затем у окошка нужно было подать

бланк, и произнести вслух название матча и счёт, так было принято, не озвучивалась, конечно, только сумма ставки. Вадим, никогда не был в такой конторе и очень смущался. Пару минут он наблюдал, как ведут себя закутанные неваляшки, затем взял бланки и отошёл к столику.

Тем временем мужики по очереди подходили к окошку и произносили свои ставки. Германии – Швеция, один – ноль. Испания – Португалия, ничья. Бавария – Манчестер, победа Баварии. Ставки были осторожными и стандартными, каждая вызвала понимающие кивки и одобрение в очереди или сдержанные поправки: «Франция – Испания, два ноль» – «Это – вряд ли» – «Французы никогда больше одного не забивали испанцам» – «У них сейчас состав какой, видел?»

Однако следующая ставка вызвала живой отклик закутанных искателей удачи:

– Греция – Португалия, пять – ноль.

– Ну, ты даешь, дружище!

– С дуба рухнул.

– Роналдо не в форме, так-то да, но пять – ноль!

– Ха, раз в год и палка стреляет, ты много только не ставь.

Вадим оборачивался на эти реплики, и смущенно краснея, улыбался, разводил руками, вроде говоря «ну, вот как-то так, а я в них верю». Он сунул в окошко бланк и заготовленные деньги, потом запихнул в карман чек и побежал сквозь звенящую стужу на автобусную остановку.

Через десять дней, когда победа самой хилой Греции над фаворитами чемпионатов с фантастическим счётом была свежей сенсацией, Вадим приехал в город за выигрышем. За-всегдагаи сразу его узнали:

- О, счастливчик!
- Молодец, новичкам везет!
- А много поставил?
- Да, отстаньте вы от пацана.

Мужики скалились и завидовали. Стоя у окошка, Вадим чувствовал зависть спиной через толстую куртку.

Он продолжал кататься в город и делать ставки примерно раз в неделю. После первого своего выигрыша, по дороге домой в холодном автобусе, он разумно решил, что не будет больше играть на сенсации, поскольку они вызывают слишком много ненужного внимания. Сенсации, само собой, сулят большие деньги, но лучше действовать скромнее.

Интерес к эзотерике сочетался у Вадима с воспитанной небогатыми деревенскими родителями бережливостью, и он стал аккуратнo копить, обеспечивая себе лимит на карманные расходы, сравнимый с тем, которым щеголяли богатые одноклассники. По мере того как выигрыши становились регулярными, количество правильных календарей сократилось до трёх. Предсказания по календарям, оставшимся после отсева, давали одинаково высокую вероятность удачи в пределах пары месяцев.

Однако, три одинаково древних, правильных, но разных календаря и точность предсказания девяносто процентов в масштабах пусть даже месяца были далеки от идеала амбициозного прорицателя. Это должен быть один календарь и сто процентная вероятность предсказанного события. Да, и оно должно случиться не с точностью до месяца, а с точностью до минуты. А может даже секунды. Кровь пульсировала в голове, и глаза загорались бешеным огнем. Вадим понимал, что теперь ему нужен не календарь. Ему нужны особые часы.

Упорство, с которым он шёл к какой-то засевавшей в голове цели, было невероятным. Из добродушного весёлого школьника он вдруг становился суровым и замкнутым социофобом, огрызался и ввязывался в драку, если легкомысленные сверстники вольно или невольно отвлекали его от размышлений о занимавшей его гипотезе. Одноклассникам такое поведение было привычным: «Опять у него ПМС, лучше не трогать». Однако из-за таких перепадов настроения, близких друзей в школе у Вадима не появилось.

Он продолжал копить, теперь точно зная, на что, он предсказывал игру футбольных ставок с точностью до месяца и выигрывал с вероятностью девяносто процентов, а иногда проигрывал с вероятностью десять. Но это была всё же отличная точность, и через год, он смог купить часы своей мечты, заказав их через интернет магазин из Швейцарии. Это были самые сложные часы на планете, и одни из самых доро-

гих, но не потому, что были богато украшены. К чёрту бриллианты и платиновое напыление. Часы показывали солнечное, лунное время, положение полярной звезды, и более того, сверяли время не по сети, а напрямую со спутника, по которому выравнивают эталонное время Гринвича.

Мысль была предельно простая. Он перерыл интернет, разыскивая информацию о похожих опытах, но ничего не нашёл. Возможно, решил он, это из-за того, что идея связана с точными науками, а астрологией в основном занимаются одухотворённые ботаники гуманитарного склада. Кто его знает. Интересы же Вадима были разносторонними и не ограничивались гуманитарщиной. Подписки на ютьюбе исчислялись десятками в основном образовательных каналов различного пошиба. В поисках ответа на какой-нибудь важный вопрос он мог легко сращивать идеи из разных дисциплин, склеивать их в неожиданных комбинациях, голова к пятке, сравнивать несравнимое.

«Почему я не могу это соединить, если это уже соединилось в моей голове», – говорил он ошарашенному учителю литературы, доказывая, что убийство старушки-процентщицы было совершено уж никак не под влиянием эфемерных идей о сверхчеловеке и избранности, а в состоянии аффекта, вызванного нестабильным психосоматическим состоянием главного героя, неприспособленного к проживанию в капризном климате северной столицы, а еще серьёзными магнитными бурями, которые, как свидетельствует сохранивш-

яся история метеонаблюдений, бушевали в Петербурге в период времени, описанный Фёдором Михайловичем.

Смысл часов был в том, что помимо изменений календаря, которыми развлекались люди на протяжении истории совершенно сознательно, само время менялось и продолжает меняться сейчас помимо их воли. Оно сжимается. Смена времен года определяется циклами вращения Земли вокруг Солнца, и Земля держится на этой орбите благодаря силе притяжения своей звезды. Солнце постепенно остывает, это всем известно, и по мере остывания увеличивается его масса, а вместе с ней и гравитация. Земля притягивается к Солнцу сильнее, и её орбита становится меньше, сокращая и длительность календарного года для ныне живущих сапиенсов. Вот и вся арифметика. Логично предположить, что период времени, который мы называем годом, для наших предков длился два или полтора наших года?

Можно, если говорить о динозаврах.

– Можно, если мы говорим о времени наших пращуров-проящеров. Но, я-то хотел подстроиться под время, когда жили Нострадамус и Парацельс. А здесь разница – может быть в минутах и секундах. А ко времени майя – максимум пара дней. Сколько же я с ними промучился, с этими часами, ты не представляешь.

В конце концов, было учтено изменение гравитации Солнца по отношению к Земле, когда оно удаляется по орбите зимой и когда приближается летом, были применены коор-

динаты Луны и планет по эфемеридам Региомонтана. Вадим добился точного учёта влажности воздуха в Лионе во Франции, где вышла первая книга Нострадамуса, что оказало в то далёкое время решающее воздействие на точность и поправки в наблюдениях за звёздами. Как древний колдун готовит дьявольское зелье, смешивая чудовищные ингредиенты, так и Вадим пробовал различные настройки и их влияние на точность предсказаний. Крысиные хвостики и лягушачьи лапки, прядь волос девственницы и семя праведного мужа он добавлял в котёл своих часов и тщательно перемешивал варево, крутя колесики и нажимая на кнопки, наблюдая за мерцающими фигурами чисел, бегущими по циферблату.

И наконец – всё сошлось. Точность предсказаний стала стопроцентной. Он поставил пароль на настройках часов, сказал «Щёлк!» изображая запирающийся замок, и постарался побыстрее забыть пароль. Другого шанса не будет. То, что он нашел это положение частей сложнейшего механизма, было невероятной удачей. Один шанс на миллиард.

Вадим продолжал упражняться с игрой на ставках. Он был осторожен, никогда не ставил в одной конторе более двух раз подряд. А когда с широкополосным интернетом букмекеры развернулись в виртуале, риск быть схваченным и ограбленным исчез. Мало-помалу незаметно он перестал быть обузой для предков. Однако такая его самодостаточность вызывала обеспокоенность среди скромных ро-

дителей. Начались допросы, подозрения и нервотрёпка. Вадим запасся терпением и беззаветной любовью к старикам и на все вопросы отвечал с широко открытыми чистыми как пресные озера Хакассии глазами.

В конце концов, отец с матерью убедились, что их странный сын не интересуется наркотиками и алкоголем, сексуальная ориентация настроена по умолчанию, и когда он в ходе долгих кухонных допросов, которые часто продолжались за полночь, окончательно растолковал, что за выигрыши на ставках «не посодют», предки оформили банковский счет для сохранности шального дохода, и после одиннадцатого класса купили сыну квартиру в центре на им же заработанные выигрыши. Единственным требованием родичей было, чтобы отпрыск получил нормальное образование, а потом делай, что хочешь.

– Но всё это ерунда и чушь, понимаешь, самое главное, что я нашёл тебя, я все рассчитал, и всё случилось, как написано звёздами, и теперь мы повенчаны на небесах, и мы всегда будем вместе, понимаешь. Это не слова как в кино, а потом начинаются измены, и семьи рушатся, и дети плачут, и люди держатся друг за друга из чувства вины, превращают свою жизнь в ад, нет. Я единственный настоящий звездочет и я говорю тебе – мы вместе навсегда.

И Надя чувствовала, что всё это так, слова действовали как дурман, обволакивали кальянным дымом таинственной восточной мудрости, и на душе было только спокойствие

тепло и счастье. Да, навсегда.

Но вдруг она подумала:

– Ты же можешь сделать что-нибудь хорошее, предсказывать катастрофы.

Вадим посмотрел на девушку с умилением:

– Ты ж моя добрая Надя. Понимаешь, какая штука...

Часы, оказывается, были настроены очень индивидуально, на момент его рождения с точностью до сотых долей секунды, причем по времени и календарю 645-го года нашей эры, когда был построен храм майя в дельте Усумасинты. Часы могли показать, что будет, но исключительно только с ним, с Вадимом, если он сделает что-то, или не сделает. Если какие-то события с ним непосредственно не связаны – их просто нет в предсказании. Можно, конечно, спросить, будет ли завтра землетрясение в Норильске, но ответа не получить. Во-первых, это никак не связано с ним, а во вторых, даже если и произойдет – на него никак не повлияет. Вот такая штука.

– Хорошо, что мы не в Норильске, там сейчас всё время ночь, – сказала Надя, она уже не думала о своем страхе и просто слушала Вадима, как сказку перед сном.

– Вот если я ставлю на матч Испания – Италия, что Италия выиграет пять – ноль. Я не задаю вопрос «Италия выиграет у Испании пять – ноль?», я спрашиваю «Если я поставлю, что выиграет Италия, я стану богаче?» понимаешь. А если я получаю ответ «нет», значит нужно ставить на Ис-

панию, но стоит проверить, конечно, прежде чем расставаться с деньгами. То есть предсказание даёт точный ответ, что произойдет в результате моего выбора. Помнишь, как у богатыря перед камнем, у меня была книжка с картинками, богатырь такой понурый, а на камне ворон, а вокруг кости с черепами навалены и ржавые доспехи. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – счастье найдешь». Так вот, тут вариантов гораздо больше двух.

– Значит, правда про тебя говорят, что ты учишь всегда один билет.

Вадим сменил выражение лица на удивление:

– Ишь ты, откуда такое? А, это я проговорился девчонкам из соседней группы, было дело, да, а слух-то пополз, ха-ха.

За окном снова начались фейерверки, вторая порция сограждан достигла нужного градуса или поддалась на уговоры ошалевших от бессонной ночи детей. По комнате забегали тени и разноцветные блики.

– Жизнь – это миллион выборов, миллион дорог, каждую секунду – выбор, – говорил Вадим, – сограждане выбирают наугад, вслепую, а у меня есть фонарик, на лбу понимаешь. Я тебе покажу. Машка иди сюда.

Вадим ринулся в угол и извлёк из-под вороха журналов черепаху и понёс её к длинной барной стойке. Древнегреческий атлет в матовом голубом свете фонарей и окон. Ахиллес и черепаха.

– Ты с ней наперегонки бегать будешь?

– Да, нет-нет, иди сюда.

Надя помедлила, и всё-таки накинув на себя лежавшую тут же рядом рубашку Вадима, подошла к стойке.

– Вот смотри, – Вадим положил Машку у края стойки, – так, а здесь будет, – он открыл стоящий рядом холодильник, – вот, яблоко.

Он прокатил яблоко по своей груди и животу «брр!», поёжился от холода, и поставил яблоко на другом конце стойки:

– Сейчас темно, и ни черта не видно. И черепахе не видно. Она может поползти направо, – и Вадим чуть подтолкнул Машку вправо. Черепаха пару раз двинула лапами, и они повисли в воздухе, – и может свалиться вниз. Может поползти налево, – Вадим поднял черепаху и показал, как она плавно пикирует со стойки на кафельный пол, – а может поползти прямо – и найти яблоко, да Машка?

Но черепаха не видит ничего, она в темноте, прямо как люди. Что ждёт нас за этим углом, а в этом подземном переходе, что будет, если вложить в синие фишки, или поступить в вуз на АйТи или на юрфак – это только вероятности, но никогда не стопроцентные. А жизнь-то одна, короткая, и нужно точно знать. Нужен только стопроцентный прогноз, что то, что ты сделаешь, принесёт тебе счастье, ведь не хватит времени попробовать все варианты, тем более, если часть из них тебя, в конце концов, может и убить, верно?

Он снял Машку со стойки и поставил на пол. Черепаха

осталась на месте, и Надя подумала, что, наверное, у Машки кружится голова.

Мы видим все пути и возможности, куда ползти, потому что мы – Боги, – говорил Вадим, – ну, для черепахи во всяком случае. Но мы – молчим, это же обычное занятие Бога – молчать, пока черепахи падают в пропасть. Ну, или мы кричим черепахе «Стой, не ползи направо там опасно!» – но она не знает нашего языка, понимаешь, и никогда не выучит. А мы не хотим говорить по-черепашьи. Мы, скорее всего, можем – мы же боги, и можем все, – но не хотим по той же причине. Мы Боги, и делаем, что хотим, а почему мы этого хотим – черепахе не понять.

Надя улыбалась, глядя на Вадима.

– То есть ты выучил язык Бога?

Вадим серьёзно посмотрел на Надю:

– Нет, я научился читать его мысли. Давай снабдим Машку волшебным фонариком.

Вадим грохнул ящиком в кухонном шкафчике, пошарил внутри и извлек брелок в виде патрона с гильзой и резинку колечком. На брелке была кнопка, которая поочередно включала фонарик или лазерную указку.

– Машка, потерпи.

Он снова поднял черепаху с пола, закрепил мягкой резинкой брелок у неё на голове и осторожно нажал на кнопку. Машка чуть быстрее, чем обычно, замотала головой, железная штуковина и резинка на башке ей не нравились. До-

вольно широкий луч фонарика начал перемещаться от края к краю барной стойки и в центр, показывая на мгновение зеленый бок яблока.

– Теперь она знает, где яблоко, у нее есть фонарик. Она конечно в силу тупости, хоть и древнее животное, не может им пользоваться, и всё равно поползет куда вздумается. Но я-то могу. У меня есть такой же фонарик. Только он еще более точный и пользоваться им сложнее.

Вадим щёлкнул кнопкой, и фонарик превратился в лазерную указку. Теперь по стойке забегала красная точка, то исчезая за краем столешницы, то скользя вперед в сторону яблока, не добираясь до него, то всё-таки останавливаясь на выпуклой зелёной коже.

Вадим снял с Машки неудобное приспособление.

– Видишь, мой фонарик – это очень тонкий луч, но с его помощью я нашел своё яблоко.

Он подошел к девушке, обнял и прошептал на ухо:

– Я знал, что если мы сегодня проведем ночь вместе, то будем вместе всегда.

Господи, какой же он всё-таки гик, и какую чушь несёт, но какой же красивый и как мне хорошо с ним.

– А ещё, – Вадим поднял голову и сказал быстро, как будто вспомнив занятную деталь, – смерть свою предсказать не могу. У меня сейчас линия жизни, которая выстраивается по расчетам, бесконечная. Но это же не значит, что я буду жить вечно, думаю, у всех молодых это было бы так. Гляди.

Он показал Наде циферблат часов, нажал последовательно кнопки на боковине корпуса, и электронный дисплей загорелся голубым светом, таким ярким, что Надя сначала зажмурилась. По дисплею побежали справа налево белые числа. Вадим покрутил колесико, и бег ускорился, числа слились в одну светлую широкую ниточку.

– Это моя линия жизни, можно крутить хоть час, конца не будет. Здесь бесконечное количество возможностей и выборов, в том числе и бессмертие. Есть и такой вариант, да, потому что просто есть запас здоровья, наверное. Я пока не сделал ничего такого, что может вызвать смерть от болезни или старости. Сердце не шалит, холестерин в норме, понимаешь. Будущее от этого момента и дальше вбирает в себя все возможности. Найти лекарство от старости – это, получается, с точки зрения звёзд, тоже реально.

Может быть, я спрошу однажды: «Если мы полетим в Мумбаи на каникулы, покатаемся ли мы там на слоне?» – и получу ответ «нет» и линия жизни оборвется, это будет значить, что нужно либо вообще не лететь, либо спрашивать уже конкретно про авиакомпанию. Для моих часов смерть – это просто возможный побочный эффект моего выбора. Она необязательна, и это самое удивительное.

– Но ведь, если ты узнаешь, что на аэрофлоте в Мумбаи тебе лететь не надо, ты же позвонишь в компанию?

Они снова сидели на белой медвежьей шкуре, и Надя расчесывала его волосы пальцами как гребнем от висков

и за уши.

– Ну да, чтобы меня вычислили и обвинили в терроризме, а потом, если самолёт на самом деле разобьётся, чтобы засадили, ведь никто не поверит моим часам, а в то, что я террорист – поверят сразу. Да, и пока у меня не было предсказаний про теракты, они далеко от меня, просто.

И они всю ночь провели на медвежьей шкуре, ощущая себя героями рождественской истории. Может быть, Вадим представлял, что он всемогущий волшебник, а Надя, что она спящая красавица, кто знает. Террористы, катастрофы, и люди, молящие о помощи сверхъестественных и вполне реальных сил, становились эфемерными и улетучивались, испарялись как капли пота с горячего молодого тела. Ничего нет, только снежная новогодняя сказка, наполненная радостью обыкновенных людей, на которых свалилось необыкновенное счастье. Может быть дело в том, что счастье сначала делает человека эгоистом, самозабвенным добрым и прекраснотдушным эгоистом? Кто знает...

ЧЕТВЁРТАЯ И никуда не деться...

Весной к Танюхе в гости приехала сестра с мужем и двумя пацанами, пятилетними близнецами, Яриком и Сашей, которого для рифмы называли Шуриком. Ярик и Шурик. У Танюхи было какое-то невероятное количество сестёр, то ли пятеро, то ли шестеро. Во всех рассказах про детство и жизнь с сёстрами неизменно присутствовала фраза: «Батя с нами просто вешался». Отец Танюхи очень хотел сына и старался изо всех сил, но получались одни девчонки. Жена ему говорила: не переживай, настоящие мужики воспитывают дочерей, и он воспитывал и, судя по всему, делал этот хорошо, потому что став взрослыми, девочки дружили и помогали друг другу, хотя общались между собой по-свойски и даже грубовато. «Ну, правильно, чего сопли развозить», – говорила Танюха и звонко смеялась, разговаривая с сестрой по телефону:

– Ты, конечно, приезжай, у меня как раз учёбы выше ушей, и работа ещё по ночам, приезжай и засранцев привози и Толика своего храпящего, я как раз думала, куда мне два часа свободного времени девать, так теперь знаю, приезжай.

Она была уверена, что родственники – это святое, а напускная суровость помогала ей подготовиться к предстоящему сестринскому подвигу.

Муж Танюхиной сестры занимался каким-то бизнесом

в деревне, что-то с поросятами, и они должны были оформлять документы для получения вычетов и льгот, поэтому несколько дней с утра и до вечера катались между банком и нотариусом, оформляя бумажки.

Пока родители в мыле носились по городу, близнецы были сданы в частный детский сад, но было запланировано ещё одно дело, как будто хождений по бюрократическим мукам было мало. Ярика нужно было свозить к логопеду. Он не произносил правильно практически ни одного звука, и это было единственным его отличием от совершенно идентичного брата, у которого с речью было на удивление всё нормально и по возрасту. Шурик часто был переводчиком для Ярика, потому что только он понимал, что лепечет его шепеляво-гнусавый брат.

Полгода назад, специально приехав в большой город на пару дней, Танюхина сестра уже показывала Ярика логопеду, и та дала задания и показала упражнения, чтобы родители сами занимались с ребёнком, поскольку специалисты по шепелявости в их захолустье отсутствовали. Теперь нужно было показаться ещё раз, проверить, есть ли прогресс, и здесь была Танюхина роль: забрать Ярика из садика днем и отвезти к логопедше – она работала в детском центре на другом конце города. Но как раз накануне Танюху атаковал вирус с соплями, кашлем и температурой.

– Надюха, мне больше не кого попросить, пожа-а-алуйста. Сипя и кашляя в трубку Танюха объяснила, что нужно

приехать в садик во время сончасы – родители предупредят воспитателя и дадут её телефон – и отвезти Ярика к логопеду. Пацан побудет в детском центре до вечера и его заберёт кто-то из родителей.

– Тань, как они это всё успевают с детьми, это же просто сумасшедшая какая-то логистика.

– Ничего подруга, будут свои, вот тогда поймём, ну, так давай тренироваться, ты сможешь или у тебя опять гора контрольных? – Надя регулярно решала контрольные работы и писала рефераты под заказ для фирмы «Друг-ботаник».

– Хорошо, что есть на свете лоботрясы с деньгами, а Надюха? – и Таня засипела в трубку, что, наверное, означало смех.

– Конечно, помогу, ты же совсем мёртвая. Погоди-погоди. А как я их отличу? Я же их видела всего пару раз.

– Ну, Ярик говорит плохо.

– Да, они оба плохо говорят, как дети говорят, я же не пойму, что делать?

Танюха минуту задумчиво тянула носом, затем прошипела:

– Тогда так, запомни: у Ярика на майке будет солнышко, нарисовано, Мы с утра наденем на них разные майки, чтобы ты не перепутала.

К часу дня Надя примчалась в детский сад, и они с молодой воспитательницей опознали и растормошили дрыхнувшего с солнышком на майке Ярика. Пока его одевали и обували,

Ярик покачивался и сонно водил полузакрытыми глазами в разные стороны. Надюха спросила, как воспиталка различает близнецов, а та сказал, что никак, что пацаны были-то в садике всего два раза, и это совершенно гениальная идея с солнышком, какие молодцы родители.

В машине Ярик отрубился и продрых все пробки. Надюха передала его на руки логопедше, чиркнула Тане смс-ку, примчалась домой и села за контрольные.

А через полчаса Танюхиной сестре позвонила логопедша из центра и задушевно с придыханием сообщила, что такого прогресса она еще не встречала за многолетнюю практику, что Ярик чётко выполнил все упражнения, даже на «Ж» и «Ш», и какие они с мужем молодцы, что всех себя целиком отдают занятиям с ребёнком, и если бы все родители были такие, то дети прямо из садика могли бы идти на радио и телевидение. Надя сначала удивилась, потом смутилась, потом сказала, что наверное, это преувеличение, живо вспомнив как они с мужем конечно занимались с Яриком гимнастикой языка, и как эти героические попытки оба раза заканчивались шепелявым хихиканьем и поражением команды родителей. Тут она всё поняла.

– Похоже, вам подсунули не того мальчика. Извините, пожалуйста. Вы не могли бы дать ему трубку, его Шурик зовут, они с Яриком близнецы.

Шурик сначала не понял, почему мама разговаривает с ним строго и чуть не разревелся, ведь минуту назад его хва-

лили, какой он молодец, и кормили конфетами. Когда мама смягчилась, он раскололся и рассказал, как перед сончасом они с братом обнаружили, что на них разные майки при том, что вся остальная одежда полностью одинаковая. Естественно, они решили, что это непорядок, и пока воспитательница переодевала других детей, а нянечка доедала рыбный суп, они пошли в игровую комнату и намалевали красным фломастером Шурику на майке солнышко, как у Ярика. Получилось похоже.

– Надя, ну ты же не того отвезла? – Танюха сипела в трубку, кашляла и чуть не плакала.

– Как не того? У него солнышко было нарисовано, – отбивалась Надя.

– А у второго было нарисовано?

– Так мы второго и не будили...

– Надя, что делать, там деньги за занятие оплачены, и вообще им уезжать завтра, надо Ярика доставить логопедше.

Выходило так, что Надя сама не могла сорваться, контрольные нужно было сдавать в тот же день вечером, а там ещё конь не валялся. И тогда она позвонила Вадиму, который моментально снял трубку и сразу, не дожидаясь вопроса, спросил:

– Ну, куда ехать?

Он отвёз шепелявого Ярика логопеду, дождался окончания занятия, и затем вернул обоих пацанов к Танюхе. Заключение специалиста на этот раз было противоположным.

Логопедша, которая чувствовала себя душой, после того, как зачем-то обследовала совершенно благополучного карапуза, сказала Вадиму, приняв его за отца близнецов, что прогресса – ноль, что это безответственно, и зачем мучить ребёнка, таскать по пробкам через весь город, да ещё деньги тратить, если совершенно не выполняются её рекомендации, и что если есть лишние деньги, лучше бы просто привезли и оставили для неё на вахте, а ребёнка таскать не нужно.

– То есть ты знал, что тебе нужно будет ехать куда-то, что я тебя попрошу? – спросила Надя у Вадима вечером.

– Ну, да, – Вадим довольно улыбался.

– Так почему не сказал заранее? – тут он понял, что Надя сердится.

– Надюша, я думал, это такой сюрприз, – растерялся он.

– Ты что, больной? Я как дура ношусь по городу, детей чужих таскаю, а мне по работе еще пахать до утра, а ты всё знал и не предупредил.

– Надюша, ну ты чего, я же пошутил, прости, я бы в любом случае должен был ехать, раз часы предсказали, судьба такая у меня на сегодня, понимаешь.

– У тебя судьба, а не у меня. Ты скажи в следующий раз, и мы решим, что с твоей судьбой делать.

Надя обижалась довольно долго. После того как схлынули эмоции, и были сданы контрольные, она должна была успокоиться, однако тоненькая струнка упрямства настойчиво вибрировала внутри и не давала ей забыть случай с логопе-

дом.

«Ну, как так, это судьба, и ничего нельзя сделать? – думала она, – это же не футбольные ставки, и глобальное что-то, вроде браков на небесах и прочего. Здесь же и от меня тоже зависит. Если я захочу сделать по-другому, то так и будет». И она искала удобного случая проверить, убедиться самой и показать Вадиму, что способна сама управлять своим будущим.

Однако попытки Нади в буквальном смысле убежать от судьбы заканчивались неудачей. Вадим, отправляясь утром по делам, говорил «увидимся вечером», и таинственно подмигивал, намекая, что мол, даже эту мелочь он сверил с часами. А ближе к восьми, когда начинало смеркаться, Надя садилась на автобус и устремлялась куда-нибудь на окраину города в спальный район к подругам. Во всех случаях, а их был не один, автобус неизменно ломался где-то посередине дороги. Народ тащился до ближайшей остановки, а потом злобно впахивался в следующую маршрутку. Два раза Наде не хватило места, а еще один раз автобус проехал дальше остановки, она не успела добежать, и дверь захлопнулась перед носом, как она ни махала, и ни кричала водителю. Каждый раз в итоге она оставалась одна в темноте на пустой остановке вдалеке от огней многоэтажек, а все попутки шли обратно в сторону города. Она звонила подругам, чтобы те приехали за ней, но оказывалось, они начисто забыли, что должны ждать её в гости, и уже свинтили кто куда. Замерз-

нув, она либо ловила машину, и возвращалась домой, самое позднее часам к десяти, а когда машин не было, звонила Вадиму, и он мчался спасать упрямую подругу. Предсказание провести вечер вместе неизменно сбывалось. Вадим умилялся Надиному характеру, но ворчал и сердился, что её выходы небезопасны.

Надя бросила попытки спорить с судьбой после случая с двумя большими рыбинами. А ведь в тот раз она как никогда была уверена, что всё должно произойти так, как она решит, и предсказание не сбудется.

Вадим часто ездил к родителям и иногда жил у них по несколько дней, а когда возвращался, привозил с собой банки со всевозможными соленьями, какое-нибудь сало, и прочие дары натурального хозяйства. В очередной раз он притащил двух огромных хариусов, гладких и блестящих, у одного из которых по обеим сторонам брюха была прорезана широкая рыжая полоса. Отец Вадима, который рыбачил сколько себя помнил, сказал, что поймать такого хариуса с полосой в местной речушке – это большая удача, примерно как цветок папоротника найти или клевер с четырьмя листочками, или сирень, сколько там обычно лепестков бывает? Так вот, это было примерно такое же чудесное событие.

Вадим радостно припёр рыбин домой и сказал Надюхе, что, мол, хотела она проявить кулинарные таланты, так, вот пожалуйста, материал для этого – лучше не придумаешь.

– Только этого чудо-зверя с полосой не трогай, не трудись, готовь второго, обычного.

– Почему?

– Ну, потому.

– Предсказание?

Вадим кивнул:

– Ну да, который с полосой до вечера не доживёт, и мы его даже не попробуем, его... его кошка съест.

Надя с удивлением подняла брови, и вполголоса, как будто успокаивая буйного ребёнка, сказала:

– Вадик, у нас нет кошки.

Вадик, подыгрывая Наде, так же тихо ответил:

– Я знаю, Надюш, но часы-то – не врут.

«А вот мы и проверим», – подумала Надя.

Вадим уехал, а она помыла и почистила чешуйчатого красавца, избавив его от яркой полосы, приговаривая, «посмотрим – поглядим», посолила, поперчила и в фольге запихнула в духовку.

Прошло меньше часа, и по квартире поплыл рыбный, но совсем не противный пряный запах. Надя вытащила рыбину из духовки, поставила на барную стойку и развернула фольгу. Из-под фольги на неё пахнуло жаром, и показалась боцина речного зверя в золотой корочке.

Надя была довольна, и уже смаковала, как удивится её прорицатель, когда она раскроет ему тайну, что ест он именно хариуса с рыжей полосой, которого он ну ни как не мог

есть по предсказанию.

Вадим должен был вернуться примерно через час. Надя завернула золотистый бок в фольгу, накинула полотенце, чтобы хариус не сильно остывал, и вспомнила, что надо бы выбросить мусор, а то кухня провоняет. Она взяла пакет и вышла на лестницу, прикрыв за собой дверь. На площадке этажами ниже она услышала какую-то возню и разговоры и поднялась к мусоропроводу

«А часы-то ваши барахлят, молодой человек. Не надо было смазывать их сливочным маслом», – думала она, улыбаясь, с грохотом и скрежетом открывая крышку мусоропровода, – «что вы говорите, масло было свежее? Но ведь наверняка попали хлебные крошки».

Надя пару минут провозилась у мусоропровода, запихивая в него большой пакет. Когда крышка с гулом захлопнулась и по трубе покатались отходы жизнедеятельности, она направилась вниз к квартире и тут увидела соседку в халате, с растрепанной прической, которая поднималась к ней, заглядывая через перила и растерянно причитая.

– Девушка милая, там наверху нет котика? Такой рыжий пушистый. Лямка – Лямка, ну где же ты паразит?

– Котика? – Надя замерла, как током ударило, – Котика?! Какого котика, женщина? – и кинулась в квартиру. Хозяйка котика семенила за ней.

– Ой, как у вас пахнет вкусно, рыбку готовите, вот и Лямка мой так рыбку любит, хариусов особенно, нам их друг

приносит, он их ловит в нашей речке, представляете, водятся да, а говорят, экология плохая, только котам рыбы-то много нельзя, у них из-за рыбы может быть...

– Да, помолчите вы!

Из окон бил солнечный свет, и огромная комната с кухонькой и барной стойкой сияла уютом и радостными цветами. На полу около стойки валялось весёлое пёстрое полотенце, которым Надя укрыла хариуса, а огромный котище радостного рыжего цвета торчал на стойке над противнем с рыбой и, смачно чавкая и фырча, вгрызался ушастой башкой в сочное пахучее мясо.

Увидев вбежавших в комнату женщин, кот поднял голову и замер. Возникла секундная немая сцена, во время которой все стояли неподвижно, только с усов кота капал на стойку сок с кусочками мяса, а две женщины смотрели на него, одна с нежностью, вторая с ненавистью.

– Лямка-Лямка, не ешь ты рыбу эту, она вредная тебе, иди ко мне, – первой подала голос соседка, и Надя опомнилась.

– Вредная? Убью, скотина! – заорала она и ринулась к коту, сжимая кулаки. Кот в ужасе сиганул со стойки, зацепил задней лапой противень, который перевернулся и грохнулся на кафель, погребая под собой волшебного хариуса. Надя издала что-то похожее одновременно на стон и рычание, от чего кот еще сильнее заметался и забился под кухонный гарнитур.

– Вылезай, гад!

– Девушка, вы его пугаете, не кричите, – визжала соседка.

– Вы почему за своим животным не следите? – стонала

Надя, стоя на коленях перед шкафчиком.

– Я пошла мусор выносить, а он выскочил. . .

– Мусор? Вы пошли мусор выносить? Вы?

– Да, я, а что? Девушка, шваброй нельзя, нельзя шваброй, не пушу!

Соседка расставила руки и ноги и не пускала Надю, которая схватив в туалете швабру, уже рвалась к коту, чтобы выцарапать его из-под шкафчика.

Безрезультатно.

Надя швырнула швабру, отошла в сторону, ноги её подогнулись, она с размаху села на пол и разревелась. Соседка еще какое-то время ползала, заглядывая под шкафчик, и звала Лямку. Ошалевший кот, не ожидая милости от судьбы, рванул, поджав уши, через коридор на лестницу, и соседка помчалась за ним, на ходу крича:

– Простите нас, пожалуйста, я вам другого хариуса принесу! – и захлопнула дверь.

– Да идите вы со своим хариусом, – всхлипнула Надя, оставшись одна.

Предсказание сбылось в полной мере. Хариус с полосой был безнадежно испорчен, но Надя не хотела оставлять Вадима без ужина. Поэтому она вытерла слёзы и быстро, хотя уже не так вдохновенно, обработала вторую рыбину. Когда она увидела под фольгой такую же чудесную золотистую, как

и в первый раз, корочку, в её душе опять зазвучала упрямая озорная струнка.

Однако она не ожидала, что Вадим так поведёт себя в ответ на её лукавство:

– Ну, вот и соврали твои часы, ешь своего хариуса с рыжей полосой!

Вадим потерянно смотрел на неё, бормоча «как же так, не может быть...». На лице его было глубокое уныние и разочарование. Он поковырял вилкой в рыбе, сказал, что это очень вкусно, но ему почему-то расхотелось есть, и Надя вдруг почувствовала угрызения совести:

– Я пошутила, это хариус без полосы, всё было, как ты предсказал.

Вадим тут же просиял:

– Кошка?

– Кот.

Он придвинулся к столу и стал уплетать рыбину с волшебной скоростью, а Надя рассказала ему, про то, как сначала приготовила хариуса с рыжей полосой, и про мусор, про соседку и кота Лямку, который угробил первую рыбину, и они смеялись, и Вадим говорил «глупенькая девочка, упрямая моя, зачем же с судьбой спорить», и Надя решила, что в этих спорах на самом деле нет смысла, ведь всё и так хорошо, и она любит Вадима, жадно и нежно.

ПЯТАЯ Как это забыть?

Прошел год, и два. Надя была счастлива каждый день как в первый раз, а потом случилось событие, совсем не подходящее для нашей новогодней истории, но о котором обязательно нужно рассказать.

Стычка Вадима с Виктором случившаяся под Новый год, забылась. Отношения стали равными, точнее – никакими. Они просто не замечали друг друга. Только иногда Надюху неожиданно пронзал быстрый злобный взгляд Вадима, который он бросал на качка, и тогда она живо вспоминала их разговор после экзамена и его слова «никто, никто не заберет у меня моё счастье, понимаешь, никто». Теперь-то Надя понимала, что Вадим имел в виду, и ей становилось не по себе. Но Вадим моментально менял настроение, смотрел на неё, широко улыбаясь, полными счастья глазами и говорил, что ему так хорошо с ней, и внезапно охватившее её беспокойство так же внезапно испарялось.

Их жизнь была ключом, крутилась волчком и мельтешила калейдоскопом. Вадим любил с серьёзным видом говорить о сакральном смысле близости, но на деле, проявлял замечательную лёгкость и весёлость. «Надежда, снимайте одежды!» – и эта глупая рифма всегда вызывала у Нади смех, а после смеха ощущения ярче.

Однажды под новый год группа решила вылезти на приро-

ду. «Хватит пить в четырёх стенах, за городом красота и горы снега, погуляем, а кому захочется, тот в любом случае напьётся», – сказала Танюха. «Но с пользой для здоровья», – сказал Виктор. Они снова были вместе, и в этот раз Виктор старался изо всех сил: спортивный костюм надевал только в спортзал и пользовался дезодорантом.

Вадим сначала встретил идею с походом без энтузиазма, но через пару дней вдруг живо сообщил, что ждёт не дожждётся, потому что погоду обещают отличную, и надо после экзаменов развеяться и проветриться, и вообще природа – мать наша.

Надя была рада. Когда прибыли на место, группа вывалилась из маршрутки, радуясь ёлкам в снежных шапках, белкам и синицами, облепившим кормушки неподалёку от автобусной остановки, перешла по деревянному мостику через затянутый прозрачным тонким льдом ручей и растянулась по дороге, ведущей к заповеднику. Вдруг впереди кто-то закричал:

– Смотрите, олень!

– Не олень, а марал.

Группа собралась вместе, убежавшие вперед вернулись, и глядя на гору, рассматривали рогатых маралов, которые гуляли по гребню между редкими деревьями, Маралы проваливались копытами в наст и сбивали камешки, которые скатывались на дорогу к ногам. Надя насчитала девять зверей. Она помнила, что в детстве видела одного марала на этой

самой горе, когда ходила в заповедник с родителями, но так много – ни разу. Она улыбаясь посмотрела на Вадима, и к удивлению заметила, что он совсем не веселится, а стоит бледный и какой-то поникший.

– Что с тобой, тебе плохо?

– Надо было позавтракать, как-то нерадостно в животе.

– Ну вот, скоро будут беседки, чаю попьешь, Танюха, там скоро беседки?

– Еще пара километров.

– Потерпи, хочешь яблоко? Вадик?

Надя глядела на Вадима, и ей становилось всё больше не по себе. Бледное каменное лицо его было опущено и он исподлобья, как будто со страхом, смотрел на гору. Часть одноклассников вместе с Танюхой и Виктором уже повернули, чтобы идти дальше, когда вдруг все услышали сверху громкий скрежет, и вниз с горы, отдавая эхом, покатались крупные камни. Маралы, то ли испугавшись, что расшевелили зыбкий ландшафт, то ли стараясь вызвать еще более сильный камнепад, ринулись по гребню, и люди у подножия горы почувствовали сильную вибрацию от катящихся вниз на дорогу булыжников.

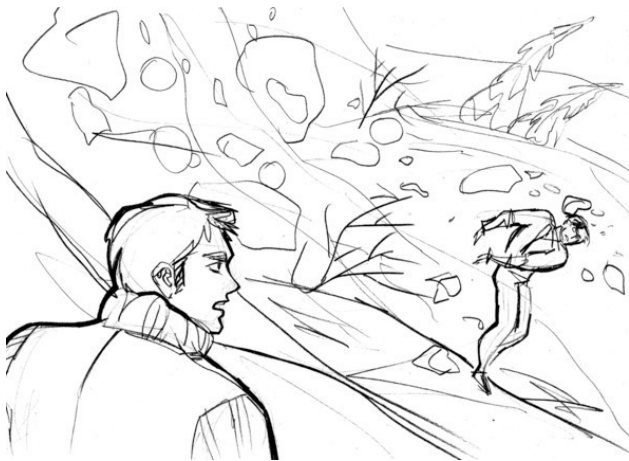
Все бросились в разные стороны, кто назад, кто вперед, кричали «Осторожно!», «Берегитесь!» и имена друг друга, или просто испуганные междометия. Надя пробежала несколько метров от опасного места, думая что Вадим следует за ней. И вдруг за общим галдежом и шумом услышала

его голос. Она повернулась и всё внутри сжалось в болезненном спазме. Вадим стоял, не двигаясь с места как в ступоре, или Наде так показалось, поскольку она в тот момент видела только его. Сначала она увидела, как Вадим открывает рот, а потом услышала слово, которое он кричал.

«Виктор!»

Наде показалось, что голос прозвучал жутко громко и отчетливо, несмотря на шум, за которым невозможно было ничего разобрать. Убегающий в другую сторону Виктор, услышав свое имя, резко затормозил, обернулся и тут же поймал правым виском булыжник размером чуть меньше собственной головы. Судя по тому, как его тело разом обмякло и рухнуло, распластавшись по земле, он был мёртв через секунду после удара.

В тот же момент Вадим, скорчившись от боли и ухватившись за лоб над правым глазом, сорвался с места и побежал к Наде. Рука была в крови – другой камень рассек ему бровь.

Прогулка закончилась. Группа провела на дороге еще около двух часов со скорой помощью и милицией. От шока никто не чувствовал мороза, но когда скорая и милиция уехали, всех затрясло, а у Тани случилась истерика со слезами и визгом, и Надя решила, что нельзя оставлять её одну, и надо, чтобы она переночевала у них. Она испугалась, увидев Вадима с окровавленной головой, но потом поняла, что это ничего страшного, а еще она внимательно смотрела на одногруппников, пытаясь понять, видели ли они, что произошло, и как Вадим кричал Виктору. Удивительно, но, похоже, это видела она одна, а может, и вообще показалось.

Пришли на остановку и ждали такси. Вымотанная от ис-

терики Танюха легла на скамейку. Вадим отошёл в сторону и прислонился к столбу с расписанием автобусов. Темнело и в сумерках его перебинтованная голова как будто висела в тумане отдельно от туловища.

Надя подошла, встала рядом спиной к скамейке, на которой лежала Танюха, и почти беззвучно спросила:

– Это ты его убил?

Вадим быстро глянул на неё, явно ожидая другого вопроса. Лицо его сделалось твердым, и он выдал заготовленный ответ:

– Я кричал, чтобы он отошел, я видел, что на него летел камень.

– Это ты его убил.

Утром Танюха с лицом распухшим от слез и тонны успокоительных таблеток уехала к родителям, и у Нади с Вадимом начался скандал, до вечера, без перерыва на обед. И он продолжался весь следующий день.

– Что, что тебе сказали твои чёртовы часы?

– Я спросил, если я поеду в заповедник, смогу ли я отомстить или нет.

– Отомстить? – глаза Нади распахнуты от ужаса и блестят слезами.

– Никто не может отобрать у меня моё счастье, – Вадим произносит это глухо с каким-то шипением, – это не просто шальная удача. Я – добился этого, это я настроил часы, я сам сотворил своё счастье.

– Да, он не забирал твоего счастья, чудовище ты!

– Никто не может так говорить, это моё счастье, – Вадим вдруг снижает и уверенности в голосе меньше.

– Ты теперь будешь убивать всех, кто скажет про твое счастье, всех, кто при тебе скажет слово «счастье»?

Вадим молчит.

Кроме вопроса, в котором он признался Наде, он спрашивал у часов, будет ли он чувствовать себя хорошо, когда отомстит. И цифры показали «нет» в ответ, зачем же он всё равно это сделал...

– Я не знал, как это точно произойдет, я увидел оленей... маралов, и камни посыпались, и всё понял, но я уже не мог остановиться. Я думал, что почувствую облегчение, когда отомщу, но мне плохо.

– Ты не мог остановиться? Ты твердишь, что всегда есть выбор, миллионы выборов, чёртов ты Нострадамус.

Кроме пустоты в голове Вадим физически чувствовал, как мучается Надя, и больше ничего.

– Ты всех теперь будешь убивать, я спрашиваю?

– Нет, я больше не буду.

– Ты больше не будешь? Ты человека убил, понимаешь, а говоришь, как будто киндер-сюрприз у ребенка сожрал тайком. Он больше не будет!

Надя прижимает ладони к лицу и рыдает.

– Ну, ты же сама меня спросила, буду или нет? – орёт Вадим, – я тебе и говорю, что я! больше! не буду!

– Я не смогу с тобой жить, и пропади она пропадом вся твоя чушь про браки на небесах.

А потом наступила ночь, но Надя не ушла. А потом прошла неделя в полном молчании, и ещё неделя, и молчать нужно было уже через силу с мучительной тоской по времени, когда все было хорошо. И сейчас стоит только протянуть руку, и вот оно тепло, надо только забыть, постараться поскорее и покрепче забыть.

И Надя старалась забыть изо всех сил. Потом вернулась Танюха от родителей, и они плакали вместе, а Надя внимательно смотрела на неё и хотела ещё раз убедиться, что Таня не помнит и не видела, как все произошло. Оказалось, что та на самом деле совершенно ничего не помнит, и тогда страх, что Вадима в чём-то заподозрят, прошел, и забывать стало легче и быстрее.

И они остались вместе, потому что всё было не важно, кроме них самих. Вадим снова говорил о звёздах и тайнах мира. И как тогда в первый раз Надя тонула в гипнотическом бархате его голоса и испытывала только спокойствие, тепло и надёжность. Вадим сначала боялся, что часы в наказание за страшный поступок откажутся предсказывать его будущее, но этого не произошло. Возмездия не случилось. Механизм был настроен и запаролен и уже не подчинялся каким бы то ни было воздающим и карающим, справедливым высшим силам. Ничто не могло повлиять на безупречную точность дьявольской машины, которая сверялась толь-

ко с неизменным ходом холодных звёзд и не ведала о добре и зле.

ШЕСТАЯ Счастье

Часы отмеряют время, год за годом, а Вадик и Надя живут в той самой квартире на пятнадцатом этаже и уже воспитывают четверых детей. Встречают новый год, глядя на фейерверки за окном, один, два три, ... пятнадцать, и потом не ложатся спать, а утром садятся в машину и через деревню, забрав родителей, едут в аэропорт, чтобы первым рейсом улететь на Бали, где живут в своем доме всю зиму, а если захочется, то и дольше, а летом колесят по Европе или Латинской Америке. Ацтеки и майя, Лион и Сан-Прованс.

Однажды Надя заметила, что Вадим стал грустным. Он начал заметно больше времени проводить со своими часами, а когда разговаривал с ней или играл с детьми, было видно, что мысли его далеко. Он всё больше отстранялся и погружался в себя. Он мог посередине разговора, соскочить с места и уйти в спальню, где на прикроватном столике всегда лежали часы, схватить их, и что-то бормоча, долго с ними возиться. В темноте комнаты его лицо освещалось синим мерцанием, он рассматривал бегущие по экрану числа, которые складывались в линию жизни, тонкую ниточку без конца.

– Помнишь, когда мы только встретились, моя линия жизни по часам, она была бесконечной. Так вот и сейчас, тридцать лет прошло, а она всё ещё... такая же.

– Раньше тебе это нравилось.

– Но это же бред, часы показывают все возможности, в том числе возможность бессмертия, но я же знаю, что это чушь. Я же ничего не делаю, чтобы достичь бессмертия. А потом случайно сделаю что-нибудь и лишусь его.

– Ну, не кури.

– Я серьёзно.

– И что же ты решил делать? – Надя начинала волноваться. Это была та же интонация, та же злость в голосе, которую она слышала много лет назад и которой боялась. Та же злобная упёртость, «никто не сможет отобрать моё счастье!»

– Так что же ты решил?

– Я ищу, я перебираю варианты, я пытаюсь нащупать, что я должен предпринять, чтобы предсказание о бессмертии сбылось.

Но поиски были бесплодны. Вадим злился и отдалялся от семьи, стал пренебрегать здоровьем. Однако ни курение, ни алкоголь никак не сказывались на линии жизни, она оставалась таким же завораживающим бесконечным рядом цифр, и это ещё сильнее убеждало Вадима, что ему нужно искать, что бессмертие – это его реальная возможность.

Потребность проводить время с часами росла и стала навязчивой, а затем к ней присоединился страх, что часы могут сломаться, и это не позволит Вадиму завершить поиск.

– Ты знаешь, мне кажется, что если часы остановятся, я тоже умру, моя ниточка, она – порвётся, – шептал он, глядя на Надю немигающими воспалёнными глазами.

Надя заметила, что Вадим стал чаще, чем нужно, менять батарейки в часах. Он выглядел как помешанный. Боясь, что может умереть, за пару секунд, что часы будут стоять, пока он меняет батарейки, он задерживал дыхание, зажмурил глаза, затем молниеносно вытаскивал еще рабочие элементы из часов, и вставлял новые. Если для проделывания этой манипуляции требовалось на секунду больше, ему казалось, что он задыхается, краснеет, а когда экран в конце концов загорался голубым светом, шумно с облегчением выдыхал.

Он с маниакальной настойчивостью продолжал поиски «дорожки к бессмертию» и стал игнорировать жену. Надя жалела его. Не было и речи о том, чтобы расстаться. Браки свершаются на небесах, и она любила его, и от этого было ещё более тяжело.

– Вадик, сходи к врачу, ты не справляешься. Это психоз, понимаешь, это лечится, но я боюсь за тебя.

Надя пыталась отвлечь его всеми возможными способами, убеждала, что нужно пойти к доктору, что это не стыдно. Она даже нарочно обижалась, что он заботится о своём личном бессмертии и совершенно забывает, что ей-то ничего такого не грозит. Услышав такое, Вадим приходил в ярость, кричал, что она ничего не понимает, ведь если он добьётся своего, то и ей обеспечит вечную жизнь, это же очевидно, и в конечном счёте он заботится о них обоих и о детях, а она только отвлекает и мешает.

В тот год они жили в Берлине и решили никуда не уезжать

на новый год и Рождество.

– Ты ведь не бросишь меня, а, Надюш?

Надя наливала молоко в чашку с кофе, медитировала утром на кухне в тишине спящей квартиры на Александр-плац, наблюдала за клубящимися молочными облаками в чёрном пахучем вареве, и вздрогнула от неожиданности. Вадим подошел незаметно, обнял её, и она ощутила забытое тепло.

– Вадик, так дальше не может продолжаться. Ты сходишь с ума, и я вместе с тобой.

Она обернулась и увидела его, небритого, с красными от бессонной ночи глазами.

– Да, ты права, я с этими часами совсем отупел. Как черепаха, не вижу дальше носа. Как Машка?

Он улыбнулся, но не было сил удерживать улыбку на лице.

– Послушай, тебе нужно просто отцепиться от этих часов. Отлипнуть, понимаешь, съезди куда-нибудь без них, в Брюссель, поброди по барахолкам, под Рождество там должно быть супер.

Услышав слово «барахолки», Вадим оживился. Когда-то это было одно из его любимых развлечений, бродить по огромным Брюссельским барахолкам, птичьим рынкам. Под Рождество кроме обычных мест старинную рухлядь начинали выставлять на всех рынках и ярмарках, которые разворачивались почти на каждой площади старого города.

– Если тебе станет совсем не по себе, я сразу примчусь

и привезу тебе часы. Я же понимаю, что у тебя это как болезнь. Но давай попробуем радикально? А, сразу, ты справишься.

Тем же вечером Вадим сел на поезд и уехал в Брюссель. Они решили попробовать несколько дней без часов, и потом решить, надо ли Вадиму идти к врачу. Надя же подумала, что поручит детей бабушке и дедушке и дни напролёт будет лазить с фотоаппаратом у Берлинской стены и в окрестностях. Она всегда интересовалась искусством, и вот, имея возможность тратить на любимое дело всё свое время, она увлеклась социалистическим поп-артом. Это занятие позволяло ей забыть об одиночестве и постоянном беспокойстве за мужа.

На следующий день она бродила по картинной галерее, разглядывая огромные плакаты и репродукции черно-белых фотографий времен социалистического лагеря. Она погружалась в атмосферу жестокого и звонкого красного энтузиазма с верой в невероятные перспективы, с постоянным чувством голода и страхом. Запиликал смартфон, это Вадим звонил по вайберу. Надя включила камеру. На экране было улыбающееся лицо мужа, выражение, какого она не видела уже давно. По лицу Вадима мелькали солнечные лучи и тени и Надя поняла, что он куда-то едет:

– Ты где?

– В такси, здесь отличная погода, тепло и солнце. Представляешь – я нашёл.

– Что нашёл, антикварный эксклюзив?

– Нет, – Вадим засмеялся, – я нашёл человека. У него часовой магазин с мастерской прямо в центре города. Понимаешь, он говорит, что сможет настроить часы.

Опять часы. Наде расхотелось улыбаться, но она постаралась не подать виду, а Вадим продолжал взахлёб:

– Они будут выдавать не бесконечное количество возможностей, а выстроят дорожку к цели. Понимаешь. Моя цель – бессмертие. Часы покажут, что делать для этого. Он поможет мне настроить часы.

– Хорошо, я очень рада...

Глаза Вадима горели, и он не замечал расстроенного лица жены.

– Надя, привези мне их, если прямо сейчас сядешь в поезд – к вечеру будешь в Брюсселе.

– Они на столике возле кровати?

– Да, на столике возле кровати, на статуэтке кенгуру.

– Хорошо, хорошо, мчусь.

Надя быстро вернулась в гостиницу, забрала часы, затем ринулась на вокзал и успела на двенадцатичасовой поезд. Она задумчиво разглядывала пролетающие за окном пейзажи и пыталась понять, чего чувствует больше: радости за мужа, которого увидела в прекрасном настроении в первый раз за долгое время, или неясного зудящего волнения.

Сойдя на вокзале, она углубилась в город, шла по узким мощёным булыжниками улочкам, пропитанным средневековой кровью, потом и мочой. Задержалась у фонтана с Писа-

ющим мальчиком, который просвещенные европейские бездомные и гуляющая молодежь превратили в пошлый общественный туалет. Затем ускорив шаг, пересекла блошиный рынок, полюбовалась на белоснежный кафедральный собор, и на площади с ратушей и новогодней ёлкой увидела часовой магазин с мастерской.

Улыбающийся Вадим встретил её на полпути около ёлки. Она открыла сумочку, чтобы передать сияющему мужу часы, но часов – не было, а на торце синей кожаной сумки зиял тонкий бритвенный разрез.

Потом был крик, слезы и снова крик, на который вышел старый часовщик и прибежали полицейские. Надя и Вадим решили пройти весь маршрут от вокзала до часового магазина. Вадим был уверен, что кража случилась на блошином рынке, который ещё кишел народом. Он требовал, чтобы полицейские оцепили рынок и обыскали всех, а когда те отказались, принялся за дело самостоятельно, угрожая торгашам, хватая их и требуя вывернуть карманы. После этого полицейские пригрозили, что арестуют его, и убитая горем семейная пара вернулась на вокзал, и поздно ночью села на прямой до Берлина.

А потом Вадим тосковал, и пил, и снова тосковал, пропадая из дому на недели. Потом он купил часы похожей модели, поскольку ту, которая была у него, уже не производили, а поиски по интернету не дали результата. Он пытался восстановить настройки и продолжал пить, а потому вдруг что-

то щёлкнуло в голове, и он понял то, что знал всегда, но забыл, шокированный потерей: настройки были невероятным чудом, сыграл случай, один на миллиард, и повторить удачу не получится. Он смирился.

И сразу вспомнил про Надю, и вернулся к ней. Теперь они зажили на самом деле счастливо, не сверяясь часами, не обременённые мистикой и неисповедимыми звёздными смыслами. Их паломничество за счастьем завершилось в новогодний вечер на уютной площади сказочного города с ёлкой и часовым магазином. Они поняли это и благодарили судьбу за то, что она помогла им разглядеть их счастье, избавив от проклятых часов.

СЕДЬМАЯ Часы

Много людей было благодарно судьбе вместе с Надей и Вадимом под Новый год, как бывало раньше и всегда в это волшебное время. Однако, наверняка самую глубокую и горячую благодарность Фортуне питал один совершенно неизвестный брюссельский нищий, который, сняв номер в пятизвёздочном отеле, отмокал в джакузи с пеной, свечами и с шампанским в ведерке на эмалированной подставке.

Обменять ледяную вокзальную лавку и объедки бургера из мусорного ведра на роскошный гостиничный номер ему позволила замечательная находка на перекрёстке с фонтаном Писающего мальчика. Красивая молодая женщина остановилась у заборчика перед фонтаном, поморщилась от запаха, затем задумчиво достала из синей сумочки огромные блестящие часы, на глазах у изумлённого бродяги повесила их на железный штырь ограды и быстро ушла. Бродяга соскрёб себя с тротуара, подбежал, схватил часы, ликуя, что никто не видит и, удивляясь тому, какие они тяжёлые, сунул за пазуху, и укывлял в противоположный переулок.

Оставив часы на ограде у Писающего мальчика, Надя направилась прочь. Краем глаза убедившись, что нищий, который наблюдал за ней, завладел часами, она ускорила шаг.

Уничтожить дьявольскую машину со стрелками было нельзя, выбросить в реку, растоптать и раздолбать молот-

ком – ни в коем случае. Долгие месяцы наблюдая за Вадимом, который трясся над часами от страха, что они могут остановиться, Надя сама стала верить, что между часами и её мужем есть физическая связь. А если это так, то надо чтобы они продолжали работать, нельзя их ломать, думала она, сидя в поезде до Брюсселя и рассматривая чёртову штуковину. Вы должны работать, тикать и шуршать шестерёнками, ни точка жизни должна бесконечно тянуться по голубому экрану, иначе он умрёт.

Сойдя с поезда, Надя задумчиво шла по улицам, будто в тумане, пытаюсь понять, как избавиться от проклятых часов. Оглядываясь по сторонам, на перекрёстке с Писающим мальчиком она заметила бродягу, который сидел на тротуаре, расстелив перед собой газету и прислонившись к стене. И тут вдруг она поняла, как всё должно произойти. Она медленно подошла к ограде памятника, – кроме неё и бродяги на перекрестке никого больше не было, – затем повесила часы на штырь ограды так, что бродяга мог это видеть, и направилась прочь.

Наваждение прошло, и туман рассеялся. Надя могла теперь слышать звонкий стук своих каблучков по булыжникам старинной мостовой, могла видеть освещенные заходящим рыжим солнцем блестящие витрины магазинов и лица идущих навстречу людей, она почувствовала благоухание еловых веток и цветов, которыми были украшены окна домов. С каждым шагом ей становилось всё легче и радостней

на душе, и уверенность, что она поступила верно, становилась крепче. Часы выполнили свое предназначение. Их самое главное предсказание сбылось ещё тридцать лет назад: два человека встретились и остались вместе навсегда, и всё остальное – неважно. А теперь они только мешают счастью, которое сами предсказали. Получил – и забудь, не натягивай судьбу. Заигрались, хватит.

На блошином рынке она купила пачку старых бритвенных лезвий, присела за столик в уличном кафе, отвернулась от закутанных пледами граждан свободной Европы, потяги-

вающих кофе из дымящихся кружек, и незаметно полоснула бритвой по кожаному боку синей сумочки. За углом она выбросила бритвенную пачку, запрокинула голову, чтобы рассмотреть верхушку высоченного, сложенного из белого камня, собора святого Михаила и святой Гудулы и направилась дальше, обдумывая, как будет изображать удивление, досаду и ужас по поводу пропавших часов.

ВОСЬМАЯ Линия жизни

Бродяга понимал, что с часами дело не чисто, и их нужно сбыть как можно быстрее. Может быть, взбалмошная дамочка за ними вернется, может она воровка, скидывающая краденое, поскольку полиция идет по её следу. В общем, от часов нужно срочно избавиться. Однако отдавать их за копейки таким же, как он, маргиналам с барахолки он не хотел, уж очень они были большие и красивые. Тут нельзя प्रदेशить, такой случай предоставляется только один раз, один на миллион, и он направился напрямиком в часовую мастерскую на главной площади.

Вступив на площадь, он не заметил ничего удивительного, поскольку Надя и Вадим всего десять минут назад угнетённые, в слезах и в сопровождении сочувствующих полицейских направились на поиски пропавших часов.

Бродяга зашел в магазин и попросил пухлую девушку за прилавком позвать хозяина. Девушка начала сопротивляться, бродяга – настаивать, и в итоге на крик из-за бархатной портьеры вышел мелкий лысый старикашка в огромных очках с толстенными линзами, хозяин часового магазина и мастерской. Увидев часы, он икнул, протёр очки, и отвалил за них бродяге такую сумму, что тот покинул магазин, сверкая от счастья, как новогодняя ёлка на площади. Затем старикашка вложил в ладонь ошарашенной девушки-кон-

сультанта банкноту в пятьсот евро и сказал: «Эллис, вы привели сегодня потрясающего клиента, нет, не возражайте, это ваша заслуга и ваше вознаграждение. На сегодня вы свободны, можете идти домой встречать Новый год. И ещё. Вы же понимаете, что я не могу покупать вещи у бездомных, это незаконно. Поэтому то, что вы видели, не должно покинуть этих стен. Могу ли я рассчитывать на вашу лояльность?»

– Но, господин Штоллер, может быть, это те часы, которые потеряла русская пара, вы же видели, как сокрушался мужчина.

– Нет, Эллис, это другие часы, я же говорил с русским, и он описал мне часы, которые у него пропали. Если вдруг к нам попадут его часы, мы сразу обратимся в полицию, и они помогут нам найти несчастного потеряшку.

– Спасибо, господин Штоллер, мне было так жалко его, видно было, что часы ему очень дороги.

– Вы добрая девушка Эллис, а добро должно вознаграждаться. Вот вам ещё пятьсот евро. В этот новый год не отказывайте себе ни в чём.

Эллис радостно закивала и ушла, а старик, закрыл магазин и отправился вглубь дома в свой кабинет. Тупая корова будет молчать. Ишь ты, дура-дурой, а ещё лезет с предположениями. Сложила два и два. Но она ничего не скажет – работой дорожит.

Старик закрыл дверь кабинета на ключ и подошел к столу, заваленному часами различных размеров, тикающими

на все лады, как рой термитов или сверчков. Казалось, что они шевелятся, вертят усиками, лапками и шестерёнками, пытаясь уползти. Стены кабинета были также завешаны различными часами, с маятниками, кукушками, шуршащими, цыкающими и периодически издававшими гулкой звон. Старик раздвинул руками гору механизмов на две кучи, освободив место в центре стола, бережно положил принесенные часы перед собой и склонился над ними.

Да, это были они, те самые, о которых он сегодня разговаривал с этим сумасшедшим русским. Как же этот олух вас потерял, уму непостижимо. Если бы у меня были часы, которые бы предсказывали будущее, я бы их просто не выпускал из рук. А этот – оставил, чёрт знает где, и потерял. Вот чучело. Если заявится и будет искать – я буду нем как рыба.

– Руди, мы открываем шампанское, – голос жены из соседней комнаты встряхнул и выдернул старика из потока мыслей.

– Я иду, не открывайте пока, – скрипуче прокричал он и услышал необычную бодрость в собственном голосе. «Повезло тебе, ушлый ты старикан», – в коридоре он глянул в зеркало, ухмыльнулся отражению и прищёлкнул пальцами.

Он вышел в обеденную комнату, победоносно посмотрел на опрятную старушку-жену и внука пяти лет, копошащегося на полу возле ёлки, и направился напрямиком к столику с шампанским.

– Руди, давай позовем Эллис, пусть она поможет, ты же

сто лет сам не открывал.

– Я отпустил Эллис домой. Не беспокойся, я справлюсь. Мы с тобой ещё не такие старики, как кажется этой молодежи, мы сильнее многих молодых и розовощеких.

Старушка была рада видеть супруга в приподнятом настроении, Он взял бутылку Кристалла и внезапно обретшей твердость рукой стал снимать фольгу. Завтра утром я примусь за вас, думал он, я разберусь в ваших дьявольских настройках. Через мои руки прошло столько вам подобных, что и не снилось.

В этот момент рука старика соскользнула, коснулась проволоки, плохо закрепленная пробка с хлопком вылетела прямо в шею владельцу часовой мастерской и попала в синус сонной артерии, вызвав моментальную остановку сердца.

Через месяц после похорон сын старика Руди Штоллера, принял дела по управлению магазином, уволив первым делом глупую и нерасторопную Эллис, и решил навести порядок в кабинете отца. Он вспомнил, что Эллис, которая поначалу делала попытки снискать его расположение, рассказывала про какие-то чрезвычайно ценные часы, которые старик купил в день смерти у бродяги за бешеные деньги. Новый хозяин магазина практически сразу обнаружил эти часы вместе с тем печальным обстоятельством, что они безнадежно неис-

правны. Электронный механизм оказался намертво закодирован паролем, который даже не позволял сделать принудительную перезагрузку, и настройки сохранялись даже после смены батареек. Поэтому настроенный на старый стиль календарь и отставание от правильного времени на час с лишним невозможно было исправить. Какому идиоту понадобилось жить по календарю двухсотлетней давности, вот загадка? Ещё он понял, что если нажать определенное сочетание кнопок, дисплей загорался голубым светом и по нему начинала слева направо двигаться написанная красивым старинным начертанием последовательность цифр, и если в этот момент крутить колесико, то движение ускорялось, цифры постепенно сливались в одну яркую голубую линию. И можно было крутить так хоть минуту, хоть пять, замедляясь и ускоряясь, – линия скользила по дисплею бесконечно. Сын решил, что приобретение этого сломанного куска металла и пластика, генерирующего случайные числа, было первым и к счастью единственным признаком начинавшегося у родителя слабоумия.

Таким образом, дьявольские часы были отправлены в коробку с бесполезной рухлядью, которая, прежде чем попасть на помойку, а оттуда на одну из брюссельских барахолок, оказалась в комнате самого младшего мужчины в семье, пятилетнего Руди, названного в честь деда. Маленький Руди мог часами рыться в коробке, выуживая из неё замысловатые блестящие и тусклые механизмы, так приобщаясь к семей-

ному бизнесу. Ему понравились большие часы с ярким голубым дисплеем, по которому бегали цифры. Перед сном, он брал часы с собой, забирался под одеяло, крутил колесико, и пещера его постели освещалась ярким неземным светом.

Однажды в новогоднюю ночь, Руди аккуратно сложил под ёлкой полученные от родителей подарки, чтобы как следует разобраться с ними утром, и запрыгнул в постель со своим любимым инопланетным фонариком. Он нажал кнопки в нужном порядке, и экран часов загорелся, освещая его лицо под одеялом синим светом. Белые цифры как всегда побежали по голубой поверхности циферблата и вдруг остановились. Руди крутанул колесико ещё и ещё раз, безрезультатно – цифры пробежав пару секунд по экрану, застывали намертво. Он решил, что часы сломались. Он не знал, что в этот самый момент начертанная на звёздном небе линия жизни далёкого хозяина чудесных часов перестала быть бесконечной. Часы запустили обратный отсчёт.

Руди сунул их под подушку и заснул.

А в центре засыпанного снегом сибирского города в квартире на пятнадцатом этаже Вадим поцеловал спящую Надю, подошел к окну и улыбнулся приветливо мерцающим на черном ночном небе звёздам. Он был счастлив, полон сил и как никогда уверен в своём бессмертии.

Ракушка

– Признайся, ведь ты не потерял ракушку? Ты нарочно её выбросил, правда, сынок?

Ну, как можно соврать маме. Мама погладит по голове, посмотрит в глаза, и сразу ясно, что она всё знает заранее. Поэтому, какой смысл врать. Мама – это не папа, который сверкнул глазами, разочарованно махнул рукой, крикнул, что сыну уже шесть лет, а ему всё как о стену горох, и ринулся в гараж заводить вертолёт. Как можно было потерять раковину на берегу моря, ионного моря, где подобных штук нет? И вообще, кто разрешал брать коробку с Домашними вещами.

– Наш дом теперь здесь, и, когда ты перестанешь называть эту рухлядь Домашними вещами и трястись над ними, всем станет легче.

Спокойный голос жены ещё больше разозлил бородатого мужчину. Он запрыгнул верхом на вертолёт и умчался за гряды безлистных жёлтых кустарников, которые отделяли сухое мерцающее магнитом побережье от зоны пригодной для жизни.

Мать и сын остались одни. Шестилетний карапуз сидел на корточках и осторожно тыкал палочкой большого неповоротливого щерюка, не давая ему ускользнуть. Щерюк вертел хвостиком, расправлял кожистые крылышки, но мальчик,

чувствуя укоризненный взгляд матери, сердито набрасывал на него палочкой песок, вымещая обиду и досаду на самого себя.

– Ну, рассказывай, зачем ты выбросил ракушку? Видишь, как папа расстроился.

– Я испугался.

– Испугался?

– Да, там страшные звуки.

Этим утром, мальчик проснулся рано. Западное солнце только появилось над горизонтом, а восточное еще на минуту задержалось, перед тем как закатиться за силиконовые горы на тридцать шесть часов здешних суток. Родители спали, и малыш решил воспользоваться этим, чтобы осуществить давнюю мечту. Он тихонько пробрался в отцовский гараж с вертолетом, залез под станок и вытащил коробку с надписью «Дом».

Пока он бежал на берег переливающегося фиолетовым колером ионного моря, в коробке что-то постукивало. Малыш сел и вытряхнул на песок её содержимое. Фотография в рамке, на ней мама и папа, молодые, папа в форме космического военного. Затем фигурный кленовый лист и вот она – ракушка, предмет давних желаний, огромная, завитая спиралью с огромным розовым отверстием. Он хорошо помнил слова отца: «Если приставить её к уху, можно услышать шум синего солёного моря».

Ионное море поблескивало магнитным спектром, убаюкивало и просвистывало ультразвуком. Малыш приставил ракушку в ухо и стал внимательно вслушиваться, улыбаясь и ожидая чуда. Вдруг улыбка сошла с лица, глаза зажмурились, рот задрожал, и покатались слёзы. Рука его судорожно дёрнулась, и ракушка полетела в море, Раздался щелчок, и она скрылась под радужными волнами.

– Что ты услышал сынок? Море? Ты никогда не слышал земного моря, поэтому испугался.

– Это было не море, мама.

Малыш поднимает голову и по щекам катятся крупные солёные капли. Сердце матери падает.

– Я слышал, как кто-то кричал, а потом взрыв и шум ракеты, и еще один взрыв, и уже все кричат, толпа людей, они горят, много, страшно.

Мать крепко обнимает сына, закрывает глаза и теперь сама видит, как они бежали с радиоактивной Земли.

«Быстрее в шатл, пока есть место!»

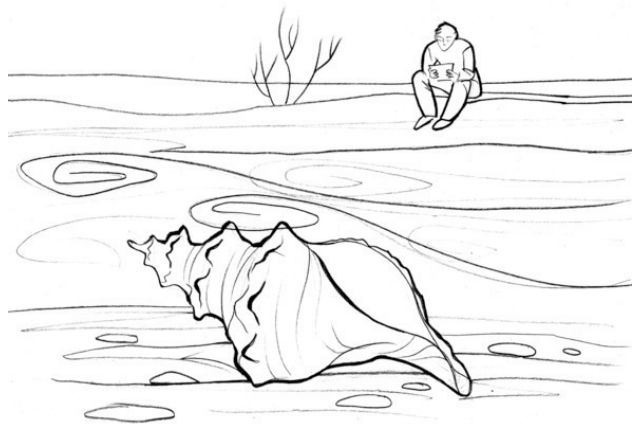
Взрыв. Турбины режут. Еще взрыв и толпу кричащих от боли людей накрывает ядерным ветром.

– Не плач, мы спаслись, мы улетели, и больше нам ничего не страшно.

Мать и всхлипывающий ребёнок сидят, прижавшись друг к другу.

В это время, после часа бесплодных поисков бородатый мужчина задумчиво кидает кристаллики в ионные волны, наблюдая за радужными кругами и слушая щелчки. Он думает о том, что жена права, и пора уже перестать тосковать об их старом доме на Земле, который стёрло атомным кошмаром. Наверное, это к лучшему, что ракушка потерялась, и кленового листа тоже нет, как нет и ни одного живого дерева на оставленной ими за десять световых лет мёртвой планете. Все деревья сгорели, и моря выжгло вместе с ракушками. Это же напоминание о могиле, как я раньше этого не понимал. Да, это хорошо, что ракушка потерялась.

Он поднимает смятую коробку и направляется к геликоптеру, держа в другой руке фотографию в рамке. Через несколько минут он потреплет по голове сына, показывая, что всё хорошо, улыбнётся жене, и поставит на каминную полку фотографию как последнее и единственное напоминание об их прошлой жизни на Земле.

Угол семьдесят пятой и семьдесят девятой

α

...на что получили энергичную отповедь, в том смысле, что не для того я делюсь семейными проблемами с коллегами за стаканом пива, чтобы сразу получать дебильные советы, а просто чтобы разбавить мало остроумную беседу, и что если нужна будет конкретная помощь, то я так об этом заранее и скажу, а пока рассчитываю исключительно на реакцию вроде «да-а-а» и сразу за этим «ну, наливай», а потом позвонил телефон, и через минуту оказалось, что время моего пребывания в этой чудесной пивнухе сокращается, поскольку семье через полчаса понадобятся «яблочки и чего-нибудь к чаю», а Лёха сказал «спасибо, что напомнили, мне заказали чупа-чупс, а я и забыл», а Андрюха добавил, что возьмёт просто ещё пару пива домой для себя, и может жена присоединится, и все решили, что это правильно, что неделя была нервная, и поэтому всего час в кабаке – это мало, чтобы снять стресс, и тогда после паузы, я решил рассказать свой сон, а точнее, как проснулся в субботу утром с остатком сна в голове, как какой-то мужик, а может и я сам, просыпа-

юсь в субботу утром с остатком сна, что якобы вчера усугубил в кабаке на углу 75-й и 79-й, и это по какой-то причине страшно важно, и этот кабак обязательно нужно найти.

В

...и сразу проснулся, целиком, не ощущая ни капли дремоты, с сознанием, заполненным образами только что виденного сна, точнее одной конкретной картиной, как прихожу в себя в пустом кабаке, онемевшая щека на кафельном полу, чувствую запах рассвета и мокрой тряпки на швабре, которой рядом орудует толстая уборщица, серый свет из окон отражается от мокрого пола, слепит глаза, длинные тени железных ножек стульев и столов тянутся под барную стойку, а затем разом оказываюсь на улице, видя выкорчеванные бордюры и снятую тротуарную плитку, черные и красные пластиковые трубы разных диаметров застывшими дугами червей вытарчивают из перекопанного тротуара вверх, выше головы, а я зябко засовываю голову в воротник, замечая, что от волос идёт пар, и вижу мужика в оранжевой робе дорожного рабочего, который методично долбит кувалдой кусок бордюрного камня – вот откуда эти ритмичные спазмы внутри черепа, – «дружище, где я?», и голос глохнет в вате, набитой в уши, и не слышен за ударами кувалды, или это кайло; «вот, чучело с кайлом» думаю я и хлопаю оранжевую робу по плечу, а она поворачивается, и я повторяю вопрос, чтобы услышать «угол семьдесят пятой и семьдесят девятой, так-си здесь не поймашь, видишь – перерыто все, ремонт, тащись пёхом до остановки», и с этими словами в ушах я лежу

и не сплю, и жду, когда зазвонит будильник.

У

...при этом добраться до остановки оказалось на удивление сложно: ноги затекли, несколько часов на бетонном полу выстудили тело, и его потряхивало, в голове пульсировали удары кувалды, которые по мере удаления, казалось, нисколько не ослабевали, и угол семьдесят пятой и семьдесят девятой, до которого нужно было дойти, находился как будто всё время на одном и том же расстоянии, и передвигаться по тротуару между кучами гравия, бордюров и торчащих труб было невыносимо, нужно было смотреть под ноги, и разбухшую голову тянуло вниз, а подняв глаза и пропуская прохожих, которых вдруг стало так много, что они постепенно превратились в плотную толпу, для которой ямы под ногами явно не были помехой, и люди двигались напористо и целенаправленно, пялясь в глаза с неожиданной неприязнью, и затем устремляя взгляд куда-то за моей спиной, – я видел все тот же угол дома, ни ближе, ни дальше, вдруг мутнее, вдруг подрагивающий как в тепломехе; и прохожие уже смотрят в глаза неотрывно, и хотят, чтобы я оглянулся, указывая куда-то взглядом, подбородком; «вон, там» слышу прямо под ухом – это тощая бледная девушка со впалыми щеками, в черном, сумка через плечо с надписью Surf, покосилась в мою сторону и показала куда-то своей такой же тощей спутнице, я оглянулся и увидел, что ее рука вытянута

в направлении открытой двери кабака, и тут же «баммм!» – удар кувалды забил в голову гвоздь, я пошатнулся, ощутив толчок в плечо: квадратный мужик с бородой во все лицо злобно смотрит прямо в глаза и медленно поднимая руку, тычет пальцем в ту же сторону, на дверь кабака, и я смотрю туда, думая, что за ерунда, может, я там что-то забыл, и нужно вернуться, а мужик уже уходит, квадратная спина скрывается за другими спинами, и снова – «баммм!», и теперь я сижу на низком подоконнике витрины, с вытянутыми на тротуар ногами, и слышу «ну чего расселся-то?», и толстый пацан, похожий на плюшевого медведя в синих шортах и желтой майке, хотя на улице октябрь и заморозки, стремительно летит ко мне и со всей силы врывается головой в живот, орудуя кулаками и вцепляясь в волосы, бешеные глаза смотрят мимо, и я, обалдев от неожиданности, отцепляю его, держу на вытянутых руках, а он барахтается, размахивает конечностями, как мотылек, зажатый между пальцами, и женский голос ревет «не трогай ребенка, скотина! сказано – назад!», я получаю тяжёлый удар мамшиной сумочкой по темени – что они, там носят? – и оказываюсь стоящим перед открытыми дверями кабака, и оранжевая роба долбит кувалдой «баммм!», а на улице уже никого нет кроме нас двоих, и уже почему-то сумерки, и я понимаю, что угол семьдесят пятой и семьдесят девятой – это какой-то невозможный адрес, а в глазах помехи и скрежет.

В

...пересечения 75-й и 79-й улицы быть не может, сказала жена, это же параллельные улицы; ну, я-то это понял, не сразу, конечно, но допёр, ну, а если это то самое место на карте которое закрыто сплошным полем обычно слева внизу? оно еще с вензелями бывает и со шрифтом красивым, старинным, с названием города, знаешь, масштабом и, там, издательством, в это поле уходят все параллельные улицы и там-то они и пересекаются вопреки всем законам, там-то мистика и начинается, – говорю я, но понятно, что это чушь, после чего жена убегает на работу, сегодня к восьми, и мне среди собраний в школу и детский сад, размешиваний творога со сметаной, нарезания колбасы и чистки зубов уже некогда думать о своем сне, однако навязчивая странная потребность разыскать этот кабак, и сама уверенность, что его в принципе возможно разыскать, хоть это и явно чистая фантазия, сохраняется в подсознании, и напоминает гипнотическое внушение, как в кино; внушение, которое как-то случайно или кем-то намеренно активировалось специальным словом или жестом, а я и не заметил, но сейчас мысли заняты синими шортами и жёлтой майкой, которые нужно не забыть взять с собой, потому что одежда в садике уже ношенная пару дней, а потом хлопает дверь машины и мы в аквариуме автомобильного салона, и после суеты и разнообразных звуков

на секунду кажется, что я оглох, только хруст яблока с заднего сидения – терпеть не могу, когда тащат еду на улицу, но малый без яблока идти отказался, – и вдруг этот сон включается в мозгу ярко и резко, и я понимаю, что к нему прицепилось что-то еще, он неожиданно оброс эмоцией, пульсирующим, лютым отвращением к этому жалкому скоту, который просыпается утром бухой и обдолбанный на кафельном полу, и я вдруг уверен, что при определенном развитии событий это мог бы быть я сам, если бы что-то в жизни произошло не так, как произошло, и это один из вариантов меня самого, и пальцы на руле побелели, и дрожь пошла по телу, а во рту тошнотный вкус похмелья, и если бы ты не был идиотом и не тратил жизнь на чёрт знает что, всё было бы иначе, богаче и ярче, а ты грязен, вонюч и еле двигаешься, и у тебя ничего и нет кроме нестиранных штанов и грязи под ногтями, это ты виноват, ты, из-за тебя вся эта чушь и бред, который творится в моей жизни, и не видно просвета, и дрожь из пальцев переходит в руль, нога дергается и давит в газ, двигатель истошно кричит, и я вижу свои руки на руле, жёлтые сухие старческие с фиолетовым венками и длиннющими ногтями, которые лезут из кончиков пальцев, свиваясь в спиральную древесную стружку, закручиваются мёртво за руль, я пытаюсь их оторвать и не могу, голову тянет куда-то вниз, я изо всех сил отдираю подбородок от груди и смотрю в зеркало, а из него наваливается на меня опухшая рожа бомжа с патлами длинных всклокоченных

волос, лезущих из черепа, заполняющих собой салон машины, звенят мухи, волосы тянут меня вниз под панель..., и я прихожу в себя, голова на руле, машина сигналит, я быстро скидываю голову и вижу в зеркале своё нормальное отражение, слышу хруст яблока с заднего сидения, и – всё хорошо; сдаю малого в садик, ставлю машину на пару кварталов ближе к работе и иду пешком, беру в кофе-машине допио и кекс на палочке – до 9.00 скидка 30% – и жду зелёного света на перекрестке; «мы загнали зверя для вас, сэр, только наведите ствол и нажмите на курок» – на остановке экран с видео-рекламой, усатый мужик в егерской шапке с пером фазана протягивает прямо в экран кому-то блестящее ружье, сериал какой-то рекламируют, загорается зелёный, я пересекаю улицу Мира, и около фонтана Любви и Верности вижу первого нищего.

«Угол семьдесят пятой и семьдесят девятой...»

Угол семьдесят пятой и семьдесят девятой

Свился в спираль наподобие запятой,

И пульсирует, нежно теребя виски,

В позапрошлой жизни прожитое виски.

Аннулирован план воплощенья подвижности,

В муках рождён каприз трансфокальности —

Исходящий мэссеидж оранжевой тоски.

Морзят по брусчатке каменные носки.

Напористых толп чудеса бородатости

Колосеют под напором своей когнитивности,

Сползая в траншей раскрытые грядки,

В удары кувалд, в аромат мокрой тряпки.

α

...так я понять не могу, сон-то на каком месте закончился, это когда ты проснулся в кабаке что ли? – Ну, да. – А все остальное? – Что остальное? – Ну, что ты вылезаеть на улицу, хочешь уйти, а тебя возвращают назад, и как ребенка в садик хочешь отвезти, и в машине превращаешься в кого-то, – я удивлён, – ты о чем, это ты откуда взял? – Леха, сидел всё время молча, разглядывая пустой бокал с ошмётками пивной пены, сползающими по стенкам, – вы же обращали внимание, насколько прекрасен полный бокал пива, и вообще, любого спиртного, и насколько безобразен пустой, – Лёха вдруг торопливо как в десять пальцев без интонации выпечатывает мне в ухо эту кучу вопросов, глядит не мигая, – откуда он это взял? – чувак, я этого не рассказывал, ни фи-га ты впечатлительный *Herr*, нафантазировал себе уже сериал целый. – это у тебя впечатлительный, – недослышал наверное..., – у меня-то нормальный, а ты – просто *Herr*, только впечатлительный, очень; – у них тут еще и барбер-шоп что ли? – Андрюха ходил отлить, вернулся, – вы вообще видели сколько тут площадей, за баром ещё два или три зала огромных, и никого нет. – барбер *што?* – Барбер-шоп, парикмахерская мо-у-дная такая. Там весь пол в волосах, в углах кучи, и какой-то *Herr* их подметает, – ясно какой *Herr*, парикма*Herr*, наверное, или *Herr* барбер, – мы ржём, и я иду

на разведку и в туалет, а за барной стойкой ступенька наверх в зал на тридцать-сорок человек, потом ещё одна налево в такой же по размерам зал, на полу на самом деле то там тот тут кучи мусора, похожего на пух, но это волосы, кучки волос как в парикмахерской, в полутёмном зале мужик очень аккуратно сметает их веником в целлофановые пакеты, на нем оранжевая жилетка с надписью ЖКХ, – на парикмахера не похож вообще, в проходах между залами покосившиеся двери с молниями в жёлтых треугольниках «вход воспрещен», я сразу заглядываю внутрь, за одной дверью узкая кухня, железные раковины наполнены мыльной водой с пеной до краев, и никого нет, а за следующей дверью уже не кухня, а еще один зал, только не похожий на сарай с черными стенами, как остальные, и не воняет хлоркой, вместо нее запах вишнёвого кальяна, и зал пустой, затянутый бардовым бархатом, во всю длину стен по периметру стоят низкие диванчики, обитые таким же бардовым бархатом, как машина сутенера в пятьдесят квадратов, и по всей длине стен на уровне плеч и головы – лента зеркал, а в дальнем углу налево за кальяном сидят два парня с дредами и рисуют третьему лысому красной тушью жирные точки в две линии по черепу, как у буддийского монаха, увидев меня, они замирают, переглядываются, смотрят и ждут, а я поднимаю руку «упс, сорян», изображая, что сильно перебрал и сваливаю; – а ты когда-нибудь брился на лысо? – разговор за второй бадьей теперь уже тёмной пенной бурды, пока я отсутствовал,

принимает парикмахерский оборот, и хотя вопрос обращен не ко мне, я моментально отвечаю: – да, два раза, говорят, когда бреешься на лысо – меняешь карму.

...а бояться больше всего на свете надо знаешь чего, ну, знаешь? а я тебе скажу, чего – сложных переживаний надо бояться, то есть если тебе вдруг «чего-то не того» или там «смысла не хватает» или ответов каких-нибудь, то, если ты не последний чудака, то ты поймешь, что есть всего три варианта: или алкоголь, крепкий, или спорт или боль, ну, а если тебе инстинкт самосохранения не позволяет самому себе по морде долбануть, то можно пойти на тренировку по тайскому боксу, разово, причем куда-нибудь не в центр, а в Черемушки, или, если здоровья бухать нет, пробегись, например, километров семь, вот и все переживания, понял меня, Ошмётко, – немолодой бармен наполняет пивом бокал и общается с лохматым парнем, который сидит за стойкой, понуря голову, и возражает устало и как будто привычно, и кажется, что я уже слышал эту жлобскую проповедь, – ну вот, сам себя послушай: бухать здоровья нет, а бегать километры есть? чушь несешь, – да тебе же ни то, ни другое недоступно, так что не умничай, сиди слушай и жди себе, вон, табло твоё, понял Ошмётко? а тебе чего, как обычно? – это бармен обращается ко мне, – «не понял, ты меня знаешь что ли?» – башка раскалывается от похмелья и попыток вспомнить, как я попал сюда вчера, – бармен смотрит в упор с каменным лицом, «ты меня помнишь со вчера, наверное, а я ни черта

не помню, я один был или кем то?» – тяжёлую голову клонит к стойке, я забираюсь на высокий стул, – ну вообще-то быть в абсолютном одиночестве – это самое трудно достижимое положение и, возможно ли оно вообще – это сложный теоретический вопрос, – я удивленно поднимаю голову, бармен теперь стоит ко мне спиной и расставляет бутылки, – «чего?» – он поворачивается и вопросительно смотрит на меня, – «я один был здесь вчера?» – спрашиваю отдельно, – один, да ты не переживай, – лицо мужика растягивается в насмешливую улыбку, – еще пару лет и привыкнешь, – мне становится чуть не по себе, что за намеки? – «ты за меня не бойся дядя, не сопьюсь», пытаюсь изобразить расслабленность, но тело ломит, и сдавливает череп, – да, я не про то; смотри-ка он еще не понял, – обращается бармен к Ошмётку, – я чувствую внезапную злобу и говорю сквозь зубы глядя умнику прямо в глаза, что у меня раскалывается голова, и хорош ржать, и лучше скажи, как сюда вызвать такси, при этом я указываю на открытую дверь бара, за которой в сумерках быстро шагает плотная толпа людей, и они не заглядывают в бар, проходя мимо, а шагают молча, только шуршат и топают ноги по перекопанной улице; я поворачиваю голову к бармену, а его уже нет, грустный лохматый Ошмётток смотрит а меня с сожалением, ты, конечно, можешь снова попытаться дойти до угла, там стоят машины, но лучше оставайся здесь, бесполезно уходить; я думаю, «что за чушь, он же вроде не кривой...», тут возвращается бармен, – ну,

что будешь? – «а что есть?» – пиво, ром, текила, бренди, – «какой бренди?» – с названием бара, – «а пиво?» – с названием бара? – «а водка?» – с названием бара, – «не понял...» – ты чё тупой – все с названием бара, – и тычет мне в нос облепленное скотчем меню: «водка» и в кавычках слова «Название бара», «пиво-Название бара» и так про все варианты, – я выкатываю глаза, – «а какое название бара?» – бармен резко наклоняется ко мне, от него пахнет одеколоном, – не шуми, не зли Уголька, – вдруг что-то сдёргивает меня за штанину с высокого стула, огромный чёрный пес сжимает зубами мою штанину, оскалившись рычит и смотрит снизу вверх красным глазом, – тише-тише Уголёк, – лохматый Ошмётко гладит пса по голове, тот отпускает меня, оставляя мокрое слюнявое пятно, и клацает зубами воздух, стараясь укусить парня за руку, я соображаю, что собака – это уже слишком, и быстро направляюсь к двери, пытаюсь втиснуться в поток пешеходов, но не могу, они выставляют руки и вталкивают меня обратно внутрь бара, все разом, жутко повернув ко мне бесцветные пустые лица, – да, ты куда? – слышу сзади голос бармена, оборачиваюсь, и теперь фокус внимания обращается на помещение, которое – какой-то полубар, полу-парикмахерская, за круглыми столиками вдоль стен и посередине зала со свечами сидят заросшие волосами мужчины разных возрастов, кто просто лохматый, кто с дредами, кто с афрокосичками, а около столиков стоят молодые парни в оранжевых буддийских балахонах, с красными точ-

ками в две параллельные линии по лысым черепам и машинками бреют угрюмых мужиков, в глазах которых отчаяние, безразличие и апатия; над баром вижу огромный экран как в фаст-фуде, который не заметил, сидя за стойкой, а на экране номера, а около каждого номера таймер с обратным отсчетом, а, да, номера – это номера столов, в центре каждого столика есть стоячая карточка с номером, напечатанная на мятой сложенной уголком бумажке, но большинство таймеров состоит не из двух как обычно а из пяти-шести цифр, что это? секунды – минуты, часы – дни, месяцы? годы? «что за бред» внезапно в дальнем конце зала ещё один столик загорается дрожащим рыжим светом, два шаолиня в балахонах приглашают меня сесть, один поднимает бумажку с номером, я вглядываюсь, не могу разглядеть, – что, слепошарый, не видишь? две тысячи девятьсот тридцать восьмой, – это бармен; я смотрю на табло, нахожу этот номер и вижу: 19:6:21:3:12 и секунды, обратный счет, бармен улыбается: – видишь, почти угадал, двадцать лет, – я зажмуриваюсь, как будто стараясь сбросить хмель... «что это за бред!» – вдруг сбоку истошный крик: – Уголек! Уголек! Кто убил Уголька? – разжимаю веки, полная темень, свечи погасли в зале беготня и суматоха, люди снуют вокруг меня, я чувствую смрадное дыхание то справа то слева, замелькали фонарики смартфонов, – Это убил Уголька, урод? – прямо передо мной волосатая сморщенная рожа, освещенная фонариком снизу, кто-то хватается за меня и тащит вбок, наклоняет мою го-

лову к полу, и в прыгающем свете я вижу распластанное тело той огромной черной собаки, лежащей на боку, шерсть блестит от густой крови, пузо вспорото, но ещё подрагивает, кишки медленно выкатываются наружу, конвульсия дергает за желудок изнутри, и содержимое выплёскивается на труп собаки, руки, которые держат меня, ускользают, я ломлюсь за барную стойку, там должна быть кухня и выход во двор, бегу, спотыкаюсь, ступеньки чёрт, за барной стойкой еще один зал, он огромный, здесь есть окна, узкие окна наверху высоких стен, как в камерах, из них льется голубой лунный свет, и я вижу, что зал необъятен, он кишит людьми, лысые и волосатые, в балахонах и в тряпье, беспорядочно бегают и шепчут себе под нос, причитая: – кто-то убил Уголька! кто-то опять убил Уголька! таймеры обнулились! таймеры обнулились! сейчас, сейчас, сейчас начнётся! – я пробиваюсь через толпу, вижу выход в другой зал, тоже ступеньки, там такая же беззвучная суматоха и кучи состриженных волос на полу, они шевелятся, расползаются в разные стороны, меняют форму, стон, лохмотья волос замирают на месте, начинают дрожать и из них лезут руки с растопыренными пальцами, вверх, вверх к потолку, свиваются змеями, они хватают мечущихся людей, а те не кричат, пытаются вырваться молча, скуля, как тихие сумасшедшие, а голос, который орал в баре, теперь звучит здесь сильнее, режет уши мегафонными частотами: – вы ошметки, вы обрубки, вы никчемные отребья чьих-то жизней, подобия чьих-то мусорных ипостасей,

вы состриженные вонючие лохмотья, на место, всем сидеть, всем ждать! – «куда, куда бежать? выход где?» – покосившаяся дверь справа, раковины с мыльной пеной через края, кухня, здесь выход! – бегу по длинному коридору и вместо двери – глухая стена, возвращаюсь назад, «ошметки» потерянно мечутся, бормоча, голос орет, кучи волос ползут по полу загребая скрюченными руками, дверь, там дверь! перебегаю через кучи, плечом вваливаюсь в другую комнату, падаю в липкую густую лужу, дверь медленно запахивается за спиной, я скидываю голову, зал обит бардовым бархатом, вдоль стен низкие бархатные диваны, по периметру – длинное узкое зеркало посередине стены на уровне глаз, в клубах кальянного дыма, сцепившись дерутся пары одинаковых мужчин, один методично втыкает другому в лицо разбитую бутылку, другой, схватив за волосы, вбивает башку соперника в пол, третий стоя беззвучно месит коленом живот размякшего двойника, я пытаюсь встать и поскользываюсь в луже, нахожу точку опоры, поднимаюсь, сжимаю липкие в густой жиже кулаки, клубы дыма расползаются и прямо передо мной в центре дивана у стены с поджатыми под себя ногами сидит Ошметок, парень, который был у бара и оттащил от меня чёрного пса, он голый по пояс, лицо покрыто коркой прыщей, всклокоченные волосы торчат копной, лицо растягивается в приветливом оскале, и я вижу, что у него нет половины зубов, вокруг, тихо как в вате, слышно только хлопанье крови на полу, сопение дерущихся, беззубый па-

рень медленно поднимает руку, указывая на меня пальцем, и вдруг изо всех сил визжит: – вот он! вот он! ошмётки, ошмётки! – от внезапного крика голову хватает спазм, в ужасе я бегу к нему, разжимая липкие кулаки, наотмашь бью тыльной стороной руки по уху, голова его отворачивается и медленно уплывает вбок как в замедленной съемке, но он продолжает визжать, я хватаю его за горло, трясусь – заткнись, гад, заткнись, – его волосы лезут мне в глаза и нос, – вот он, вот он, отпусти, отпусти! – это уже женский голос идет от кучи волос передо мной, от неожиданности я резко поднимаюсь, руки все еще на его или на её горле, чёрт его знает, моя голова оказывается прямо перед зеркалом посередине стены, и я вижу свое заляпанное кровью лицо, перекошенное от ужаса и отчаяния, а рядом с ним, справа сзади – снова свое лицо, чистое, бледное, в стеклянных глазах ненависть и отвращение, и последнее, что я мог бы запомнить, это как вскинувшаяся рука того второго меня у меня за спиной бьет меня чем то тяжелым и острым по голове, и что-то тяжелое и острое входит мне в затылок, разрезая череп, и свои глаза, округлившись от удивления, – но я этого не запомнил, потому что меня уже не было.

В

...по дороге на работу два квартала от бывшего кинотеатра до дома детского творчества, нищие располагаются в известных точках маршрута, лица и фигуры привычно знакомые, но обыденность несколько не мешает ощущать человеческую трагедию, по умолчанию, это же не сознательный выбор, так сложились обстоятельства, то есть не сложились, а обрушились, раскорёжили и раздолбали, поэтому – надо давать, просто потому что есть, что дать, другого смысла нет; первый – дед в хаки, кепке и очках, извлекает из гармошки бессвязные аккорды скрюченными пальцами, что-то похожее на «винуову-атуа-лее-яаа», всыпаю в кофр горсть монет, стараясь не смотреть в глаза, гармошка замолкает, – спасибо, сынок, – и так каждый раз, сипло и громко на всю улицу, сейчас скажет «здоровья тебе», – силы тебе, все получится, сынок, – что-то новое; следующая – бабка: ты добрый человек, – знаю-знаю, – и шар в стёртом пальто на складном стульчике выгребает деньги из пластикового стаканчика, иду дальше, на экране видео-рекламы мужик в егерской шапке с пером протягивает кому-то прямо в экран красивое блестящее ружье «мы загнали зверя сэр, только нажмите на курок», что это за сериал такой, что его рекламируют без передышки? вроде, этого бомжа вчера допрашивала тетка из соцзащиты, или нет, она пристала к женщине, у которой была таб-

личка «помогите на продукты для ребенка», наверное, хотела допытаться, что за ребенок, вывести на чистую воду мошенницу, вот занудство... – помогите, будьте милосердны, – на своем обычном месте, около магазина телефонов и модной жральной, нестарый мужик в кожаной куртке, нога, ампутированная чуть ниже колена, закинута на костыль и мелко трясется на уровне животов проскальзывающих мимо людей, – «да, буду, буду» – бурчу себе под нос, останавливаюсь, шаря в кармане, пропускаю людей и подхожу к нищему почти вплотную, «мы загнали его сэр, будьте милосердны», слышу сзади, еще один экран, – подайте, проявите милосердие, – мужик с трясущейся культёй не дожидается меня, а продолжает зазывать прочих прохожих, – чего ты загнанный такой? – я шарю в кармане, стараясь выудить монеты покрупнее, смотрю на мужика, – а нет, это не ты загнанный, извини, – смеется, потом наклоняется, трясущаяся культя упирается мне в живот – они загнали его, загнали зверя, для тебя, только прицелься, и спусти курок, – и показывает за моей спиной, я машинально отстраняюсь, задеваю какую-то тётку, которая не успевает проскочить по узкому тротуару, и упираюсь спиной, оборачиваюсь на экран, егерь протягивает ружье охотнику, – слушай, заела эта реклама стою здесь полдня, весь мозг выели, – так уйди в другое место, – сую кулак с монетами в протянутую кепку, «что это они болтают сегодня все, магнитные бури, что ли?» дальше за перекрёстком деревянные мостки вдоль старинной развалюхи,

уже лет десять ремонтируют, дальше нищих быть не должно, да и монеты закончились, короче план благотворительности выполнен, а нет, не совсем выполнен, еще один дед, нет обеих ног, на коляске, перевернутая шапка лежит на обрубках, приближаясь, выуживаю бумажку, вижу, что он не просто стоит, а пытается заехать на мостки, – помоги заехать, – голос твёрдый, – бодрый дед, долю секунды, смотрю ему в глаза, он глядит в ответ, чувствует что-то, и добавляет, – пожалуйста, – я берусь за ручки и начинаю давить коляску вниз на себя, чтобы затащить передние колёса на шаткие доски, дед и коляска тяжёлые, с первого раза не получается, я вижу боковым зрением, что за мной моментального скапливается очередь желающих пройти, смущаюсь, осознаю свою щетину, грязные ботинки и мятые штаны – если нужно прийти на работу в выходные, я не наряжаюсь, так меньше противно – понимаю, что со стороны это выглядит как один бродяга, помогает другому калеке, но через миг коляска поддается, и я закатываю деда на доски – они загнали его, понимаешь, для тебя, будь ты человеком, добе-ей, ты взздумайся, он же мучается, он же живой, хотя и ошмёток, ты взздумайся, девять лет прошло, понимаешь, мечется как хомяк на карусели, девять лет уже, – это дед, вперился в меня слезящимися глазами и говорит, говорит что-то, чушь, я оборачиваюсь, очередь за мной застыла, впереди по улице вдруг всё в тумане, и на сколько хватает глаз, я вижу только рекламные экраны, егерь многократно протягивает охотнику ружье,

экраны сливаются в бесконечную линию, уходят прямо к арке на театральной площади, «мы загнали зверя, сээээээ...», арка вырастает сквозь туман и наклоняется на меня, в глазах помехи, улица искажается, – я протискиваюсь мимо коляски, а дед смотрит на меня, удаляясь, и медленно катится по мосткам, за ним теснятся недовольные граждане, что это со мной? давление низкое? только раз такое было, когда в обморок хлопнулся, слез с унитаза, и бах – лежу на полу, кровь прихлынула к мозгам, и хлоп, но тогда так не тряслось, и реклама эта чёртова...

...и тут вдруг запиликал мобильник, и Шип сказал, не хочу ли я сегодня вечером встретиться, выпить и пообщаться, обменяюсь астральной информацией через огненную воду, потому что сколько уже можно, и доколе, а я сказал, что информацией обмениваюсь регулярно и может быть слишком часто и с кем ни попадя, и что информация уже из ушей, астральная и не очень, но от данного предложения отказаться не в силах, поскольку такие предложения Шип высказывает не чаще раза в год, и не принять его – кощунство, тем более, именно в силу такой частоты, договориться с женой достаточно легко – она чувствует, что я считаю это мероприятие чем-то священным, поэтому на работе я быстро все заканчиваю, точнее через шесть часов решаю, что подвиг, запланированный на выходной день, совершен, и – стоп, так как разгрести всю эту бешеную кучу бумаг, писем и баз данных можно только часам к двенадцати ночи, а к такому ге-

ройству я сегодня не готов, и, так как шесть часов сидения на заднице могут пагубно сказаться на моем здоровье, я решаю, что мне нужен велосипед, я иду к пешеходному мосту, беру велик на ночь, скидос, – до дома идти брать свой, жалко времени, – договариваюсь, что привезу, может, к утру, и мчу через мост, через промзону, по буеракам в новый район, где живет Шип с видом на реку, с бывшим видом на реку, поскольку прямо перед его домом строят еще одну высотку, а рядом – еще один термитник с узкими пеналами квартир с кухоньками без окон, но со световыми бойницами под потолком, и прощай вид из окна, а да, покупаю водку и в ларьке дезодорант, поскольку понимаю, что приеду потный как свин, а там все семейство Шипа в сборе, нехорошо вонять; Шип не любит бухать в казённом месте, а может и любит, но не говорит, Шип вообще мало говорит, закуску готовит сам и всегда на пять с плюсом, дочка Шипа подросла, бегает, а сынище бойко разговаривает и пристально смотрит, изучает как будто, но видно, что смущается дядьки, которого видел больше года назад, и изо всех сил старается быть собранным и серьезным; глянув на квартиру Шипа сразу ясно, что тут живут дети: детские вещи везде, в каждой комнате, одежда, игрушки, машинки и прочая чепуха, взрослых вещей почти нет, из признаков наличия родителей – только посуда на кухне и большая обувь в прихожей; после первого пузыря и иссякшего потока сознания про семью, творчество, про знакомых, кино и работу (как тебе «работать – тош-

но, не работать – страшно, а какие эмоции украшают вашу жизнь?» – нормально, сам придумал? – ну, да) появляется гитара, но помедитировать чуть слышно и грустно не судьба: мелкий Шип хочет принять участие в музицировании, при- тащил какую-то брякалку, сидит и ждет, Шип сказал, что он хочет научиться играть, я ощущаю уже сильную кривизну, но получасом раньше гордо болтал, что начал брать уроки вокала, и что меня прости-Г-ди, хвалят за прости-Г-ди тембр, поэтому надо что-то изобразить, и ничего лучшего не приходит, как начать петь что-то непременно на три тона выше нужного диапазона, и получается какой-то сдавленный сип и писк; мелкий в восторге, сосредоточенно глядя на меня, подбрякивает в такт, красавца, джем требует визуального контакта, поэтому сложно поначалу джемить с новыми людьми, многие стесняются смотреть в глаза, это слишком интимно что ли, у малого же таких заморочек нет, поэтому он следит пристально, заправски; в общем, последняя четверть второго пузыря оказалась лишней, рассосать такое количество спирта можно только танцами или громко и много петь, в общем, пугать детей, а болтовней – точно нет, не рассосешь, и завтрашний день, почти наверняка пропал, и я поднимаюсь, комната покачивается, стыд-то какой, дети смотрят, – кстати, угол семьдесят пятой и семьдесят девятой это может быть и семьдесят пятый дом на семьдесят девятой улице, просто он стоит на пересечении с какой-нибудь другой улицей, – говорит Шип, мы гуглим и находим фото этого

самого дома на америкосовском риэлторском сайте, for-sale, пригород *НьюЙорка*, высокое крыльцо и два этажа, клумбы, машины, картинка три-дэ, можно пройти по улице, покрутиться, таун-хаус, вот он! – я говорю Шипу, что он в целом исключительно гениальный *Herr* – да! – и вполне заслуживает Нобелевской премии в какой-нибудь подходящей области, – в какой области? – да хоть в Новосибирской или в Кемеровской как минимум, – цитирую недавно прочитанный анекдот, бодрое мычание и дружеское ржание, жму руки хозяевам, младшего совсем накрыло от чудовищной силы музыки, он не выпускает брякалку, прощается за руку, слегка благоговейно, но по свойски, мужык! выхожу на площадку и внезапно забыв, что велик пристегнут на первом этаже решаю почему-то идти домой пешком через мост, хоть какая-то надежда сбросить хмель, вставляю в уши капельки с той самой неудачной песней «еще и покричим по дороге, почему она мне раньше казалась слащавой и безмозглой?» на мосту за шумом машин не слышно музыки, я выкручиваю максимум и ору «соу-салли-кэнвейт», и еще раз, и сначала, и опять, закливаю, вибрирует диафрагма, ноты – правильные, стресс мечется внутри, выходит через легкие и ноздри, глубже вдыхаю выхлопную гарь и снова ору «шыыыноуз итс тууу-лейт», мрак отступает, валится за перила моста, вниз, в реку, и непобедимая уверенность, что всё будет хорошо, снова заполняет голову и туловище, вот, это я, это – моё нормальное состояние, настройка по умол-

чанию, но завтра будет плооохооо, ну и чёрт с ним, смеюсь и плачу, и снова ору, прекращаю только пару раз, заметив впереди ночных пешеходов, что они тут делают в три ночи, спускаюсь с моста, кровь циркулирует, иллюзия бодрости совершенная, так, давненько я не приходил домой ночью, раз уже так получилось, надо использовать ситуацию по максимуму, необходим кабак, «где ты, кабак?», визуализирую окрестности и вспоминаю, что в квартале на набережной открыли кальян-бар, через десять минут прохожу мимо уличных столиков и спускаюсь в подвал, полумрак, барная стойка светится неонами, столики почти все заняты, налево еще одни зальчик, там тоже на диванах у низких столов с кальянами посередине сидят фигуры, клубы дыма, клубника, сладость, лаундж обволакивает низкими частотами, прямо напротив бара стол свободен, да я на полчаса люблю и домой, – здравствуйте, – «здрасьте, а пиво же у вас есть?» – по-маргальничаем, – да, есть, вам какое? – смотри-ка и глазом не повел, – «тогда темное любое, и кальян» – какой? – «какой-нибудь, самый вкусный» – улыбаюсь, – хорошо, – официант видит, что клиент кривой, и не очень доброжелателен, ну и чёрт с тобой, откидываюсь на спинку, это же типа лаунжд, расслабон, блин, а в таком положении литр спирта опять в голове, зачем пришел, ещё и пиво, ну все завтра быть тебе трупом; над баром экран с таймерами, что за кальянный фаст-фуд, а нет, экран дергается и появляется соответствующая месту картинка: бассейн, лазурь, пальмы, разноцветные

бикини с мокрыми волосами и коктейли, музыка делается громче, меня расплющивает на диване, глаза расслабляются в параллель, и я вижу уже два то сливающихся, то расплзающихся экрана, опять эта реклама, егерь протягивает охотнику ружье, что за сериал это? и всё двоится: четыре груди в желтом бикини, два бокала с радужными зонтиками, пальмы, кокосы, лазурь-глазурь, – уберите, пожалуйста, ноги со стола, – ух ты, я и не заметил, – «дружище, а скоро? полчаса жду» – просто много посетителей сегодня, вот ваше пиво, – у вас всю ночь столько народу, – сегодня у нас еще барбер-найт, – чего? – продираю глаза, осматриваюсь, вокруг стало суетливо: у столиков с кальянами вертятся парни, они подравнивают бороды, делают стрижки посетителям, ни фи-га себе, картинка стала поярче, некоторые парикмахеры одеты в какие то оранжевые балахоны, они – лысые с красными точками по голове, а, это как буддийские монахи, фри-ки, везде фрики, почему я не фрик,.. «где у вас туалет?» – официант указывает направо за бар, опускаю ноги, пол то тут, то там засыпан состриженными волосами, хоть бы под-метали, высосу пиво и свалю, сами курите свой кальян; уз-кий коридорчик к туалету обит бардовым бархатом, в стене открытая ниша, в ней стоят фотографии в рамках и стату-этки, присматриваюсь, советско-коммунистическая темати-ка, броневик, поезд с плакатом, винтовки, а здесь вообще война, расстрел какой-то, трупы сваливают в яму, свастика, статуэтки понятно – ленин-сталин, а рядом – мао, всё бю-

сты, и гитлер, в полный рост, рука вскинута, совсем очумели миллениалы, барбер-шоперы, «буду уходить, заберу его и выкину»; в уборной над унитазом высокое зеркало, льешь и смотришь на себя, какой ты кривой, изображение опять двоится, две рожи с прикрытыми глазами покачиваются под журчание воды в такт музыке, здесь тирольские переливы, вот чудачки; выхожу в бардовый коридорчик, «а ведь он должен влезть в карман», беру гитлера за подставку и замечаю дверь, которая приоткрывается прямо напротив входа в сортир, что там? еще один зал, мелькает как стробоскопом, танцы? музыки не слышно за гулким лаунджем со стороны бара, захожу и попадаю в еще один короткий коридор, который заканчивается ещё одной приоткрытой дверью, коридор оклеен обоями, на них белым или желтым по черному цифры, сначала кажется, что цифры просто вразброс, но иду дальше и вижу, что это всего две цифры – 75 и 79 вперемешку, разными шрифтами и размерами, в середине коридора по центру стен справа и слева висят два фото в рамках, это же тот дом, который нашел Шип на риэлтерском сайте, то же самое фото, только черно-белое старое, 75-ый на 79-ой улице, два этажа высокое крыльцо, клумбы и припаркованные машины, рядом с домом стоит улыбающийся мужчина, а на стене напротив цветная современная фотка как на сайте, и рядом с домом стоит то же мужик, и он вроде совсем не постарел; быстро делаю еще два шага вперед и открываю, дверь; в густом кальянном дыме странно движутся пары, дёрганые

пируэты, музыки в помещении нет, ритмичная пульсация идет из коридора, через который вошел я, большой зал тёмно-красного бархата, из-за дыма вдоль стен по периметру проступают столики и низкие диванчики такого же бардового цвета, по центру стены вокруг прозрачная широкая полоса – зеркало, в нём плывут клубы дыма, я вижу свой силуэт, черный на фоне света из-за открытой двери; вдруг сбоку раздаётся крик, – отпусти, отпусти, – я поворачиваю голову и вижу черную фигуру мужчины, который склонился над диваном, его спина трясется, из-под него в разные стороны торчат длинные волосы, – отпусти, отпусти! – визжит голос девушки, я понимаю, что он схватил её и трясёт, волосы растрепались, душит, – отпусти-и! – голос хрипит, я кидаюсь в их сторону, минуя танцующих, и вдруг понимаю, что это не танцы, а массовая драка, дерущиеся одинаковые мужики, двойники, у каждой пары одинаковая одежда, лица, один месит другого, коленом в живот, бутылкой в лицо, на полу брызги и лужи бурой крови, подскакиваю к чёрному мужику и за плечи сдергиваю его на себя, он выпрямляется и на секунду наши головы оказываются отраженными в длинном зеркале, и в мутном стекле я вижу рядом со своим лицом отражение того человека, про которого мне снился сон сегодня под утро, серое, изрытое лицо алкаша и обдолбыша с мутными заплывшими глазами, кровь ударяет в мозг, – это ты гад, ты,.. – в этом скомканном лице я вижу себя самого, это я, только постаревший и искорёженный, может, это

двоится в глазах, как те два телевизора в баре вместо одного, встряхиваю голову, раз, нет, это я передо мной, но другой, и он тоже видит меня и боится повернуться, – это ты гад, это ты, всё-всё из-за тебя, – и причина всей боли, всего кошмара и всех неудач сосредоточивается в этом человеке, в его затылке, а он стоит передо мной и смотрит удивленно через зеркало, и не поворачивается – «мы загнали его, добей, добей» – слышу изнутри черепа, нет, это не меня загнали, это тебя, вонючий ты скот, – вскидываю руку и из всех сил, вложив в удар всю ненависть, отвращение и разочарование, бью стоящего передо мной по затылку кулаком, кулак остается на голове, прилип, и я вижу, что в кулаке была зажата статуэтка, вскинутая рука железного уродца воткнулась в череп и застряла, прошибает пот, тело передо мной плавно изгибается пластилиновой дугой и валится мешком в лужу, всплеск, но это не кровь, из под черного мешка выпрыскивают волосы, как густые щупальца гигантского паука, волосы быстро обматывают тело, обволакивают, крепко закручивают в большой кокон, который лежит на полу и трясётся, то же самое происходит со всеми дерущимися рядом парами двойников, через минуту вся комната заполнена огромными дрожащими волосяными глыбами, а на диване передо мной тощее скрюченное существо раздвигает всклокоченные волосы, и смотрит на меня сморщенным лицом бомжа, которое я видел в зеркале в машине сегодня утром, – ну вот, – морщинистый рот движется, но я слышу два голоса, чистый

женский и хриплый мужской, шепчущие мне прямо в уши справа и слева, и от дыханий тепло с двух сторон, и пахнет гарью – ну вот, вот и всё, вот и нет твоего ошмётка, таймер обнулится, теперь всё будет хорошо.

α

...в общем, ваша эгоцентричность очаровательна, но несносна, с чего ты взяла, что я о тебе думаю, со школы еще, что я вообще про тебя помню... – ты debil, – Андриуха ржет, – не-не, я даже круче сказал: «ваша эгоцентричность столь же очаровательна, сколь и несносна», – а можно было без понтов? – ну, можно и без, но обычно получается беспонтово, скучнее гораздо, – ты – debil, тебе баба даёт, даёт поня-ать, что как бы, ну.. вперед Ромио, – а смысл? больше головняков, зачем мне это надо, – не, погоди, а что там про бритьё башки, на лысо, что типа бреешь и меняешь? что, шаверму? чего ты сказал? – карму, debil, ну, судьбу, – в смысле? – ну, бреешься и меняешь судьбу; фишка в том, что непонятно, что на что меняешь, хорошее на плохое или наоборот, может, у тебя и так все было бы зашибись, а ты побрился, и теперь у тебя все будет плохо, казино типа, рулетка, лотерея, ну, приятнее думать, конечно, что ты побрился и в волосах оставил негативные всякие вещи, – вшей? – ну и вшей тоже, – и типа, твои состриженные волосы, такие, в которых отрицательная энергия осталась, они превращаются в тебя же, но в параллельном мире, но они такие, мол, проклятые получаются, потому что закон сохранения энергии: негатив с тебя ушел, а где-то остался, то есть ты, по сути, не избавился от него, а отпустил на волю, – вшей? – и вшей

тоже! успокойся, блин, – и что тут страшного? – в смысле? – ну, волосы, что в них страшного? – а что, не страшно? а что страшно? – ну там убийства всякие, отрезание всего подряд, кишки наружу, – а то, что в зеркало сморишь и видишь не себя, не Лёху красавчика, а чёрта какого-нибудь, не страшно? – неа, – ну, это потому что ты занудный, – ага и очкарик, занудный очкарик – ага, а все очкарики кто? *Guan Don-ы*, правда, Паша, – он ушел, – Паша ушёл? вот *Don Guan*, короче, если я про это напишу книжку, то ты будешь в ней, и я тебя там умертвлю, да так, чтобы тебе страшно было, – нет, вот вы на самом деле зря так думаете про очки, очки это супер аксес-суар... – а-сексуар? – аксессуар, который кстати может помочь в трудной ситуации в общении, – Лёха начинает травить про буйную молодость, и это всегда хит, – я же в общаге жил, пока учился, а там как, особенно на первых курсах – бухаешь постоянно, ну и драки, и вот сидишь в комнате, пьешь, компания, и кто-то начинает быковать, а ты такой сидишь сначала молча, а потом так поднимаешь голову, медленно снимаешь очки, и пока кладешь их на стол, так очень спокойно говоришь «ну, я вижу, разговор у нас не получается...», – то есть так начинались почти все драки в вашей общаге? – нет! в том и дело, что многие благодаря этому так и не начинались, меня батя научил, – по-моему тебе пора за чупа-чупсом, – да, и вообще – пора, аревуар, кароч, – да, идите вы все сразу на ..., кароч, – и тебе не хворать.

На улице темно, морозно. Ветер щиплет лицо.

– Ну что, где твой чупа-чупс тебя ждёт?

– В маркете каком-нибудь.

– Ну, пошли, провожу.

Мы бредём по перекопанному тротуару, брусчатка снята, ноги местами вязнут в песке, то тут то там из земли торчат длинные пластиковые трубы, красные гофрированные и чёрные гладкие. Несмотря на коммунальный коллапс, ночная жизнь полыхает огнями, сигаретным дымом, светом забега-ловок и витрин, толпятся тинэйджеры с велосипедами, скей-тами, вейпами, прыщами, стеклянными глазами, довольны-ми улыбками и злобными ухмылками.

– А вообще, это конечно, отличная идея, вот так разом взять и избавиться от всей этой дряни, которая у тебя внутри.

– Тебе так плохо, чего в сортир не зашёл, давай зарулим куда-нибудь?

– Да-нет, я про стрижку, на лысо, состричь с себя весь негатив отрицательную энергию, ну и пусть она потом шарается где-то, у меня же её не будет.

Мы перепрыгиваем через яму и оказываемся в круге света перед стеклянными горящими дверями супермаркета. Рядом на стене наляпанные объявления, теснятся как попало, друг на друга, жадно занимая выгодный клочок стены прямо перед входом. Конкуренция среди уличных рекламщиков безжалостная. Среди мешанины букв, восклицательных знаков и цифр выделяются четыре крупных одинаковых бумажки:

«Только сегодня!!! Куплю ВОЛОСЫ И ЧАСЫ. Дорого!»

Номер телефона густо замалёван чёрным маркером.

– Лёха, у тебя есть часы?

– Нет, я на телефоне всегда...

– А волосы?

– Отвали.

Я разглядываю объявление, пытаюсь разобрать номер телефона.

– Ну, правда согласишься, круто же: состричь с себя всё дерьмо, которое тебе жизнь, портит, просто – полчаса в парик-

махерской, и ты – как новый, а?

– Главное, чтобы тебя не состригли.

– В смысле?

Я удивлённо оборачиваюсь, Лёха стоит и протирает снятые очки.

– В смысле, чтобы меня не состригли?

– Ну, а почему ты так уверен, что в этой истории – ты главный, а если вдруг ты и есть такой вот ошмётток состриженных волос, кусок энергии, от которого кто-то хочет избавиться.

– Да не свисти, сам ты ошмётток, – я смеюсь и смотрю в прозрачную дверь супермаркета, – пошли.

– Ну, я вижу, разговора у нас с тобой не получается...

Я вздрагиваю. Это же мой голос звучит у меня за спиной. Я резко поворачиваюсь и вижу себя самого перед собой, надевающего очки. Блики от горящих дверей скрывают выражение глаз, но лицо этого второго меня напряженное и суровое. Наступает немота. Рядом с похожим на меня очкариком стоит низенькое волосатое существо, всклокоченные патлы извиваются пластилином, в его лице я вижу то прыщавого подростка, то сморщенного старика, то бледную девушки со впалыми щеками. Пытаюсь кричать, но не могу, открываю рот, но звука нет, звук уходит не наружу, а внутрь черепа, голова вибрирует от напряжения. Тот второй, похожий на меня улыбается, и я ощущаю его решимость и страх, страх сделать какой-то последний жуткий шаг, но он готов. Он ждет. Маленькое существо вытягивает вперед руки, и тут же из его

пальцев вылезают спиральями длинные черные нити, волосы, они захватывают меня, липнут ко мне, притягивают меня к нему, тело к телу, голова к голове, нос к носу, его лицо меняется с бешеной скоростью, парень-девушка-старик, нас заматывает в плотный волосяной кокон, глаза к глазам, не могу закрыть, не могу отцепиться, не могу кричать. Оно разевает рот с кривыми желто-зелёными зубами и натягивает себя мне на голову, заглатывает меня полностью с головы до ног, как удав. И я лечу, в черноту. Всегда.

Настоящий α

Я поправляю очки и смотрю на распластанную передо мной волосяную кучу. Руки дрожат, на лбу выступил пот. Омега стоит рядом и хихикает, голос его отдаёт прямо в уши справа и слева, хриплый старческий и чистый женский. Заглатывание пришлось ему по душе.

– Ну, что дальше?

– Поехали дальше, – его голос звучит прямо в ушах, и меня от этого бросает в дрожь, никак не могу привыкнуть к такой манере беседовать.

– Ещё много осталось?

Омега не отвечает, он подходит к трепещущей волосяной куче, делает маленький шаг вперёд и скрывается в ней. Я медлю, но через мгновение из кучи выстреливают кривые как колючая проволока чёрные нити, прилипают ко мне и загибают внутрь, и мы стремительно ныряем в бездонную тёмную яму.

Мимо проносятся всклокоченные облака плотного дыма, фиолетовые, зелёные, розовые, и сквозь них проступают зеркала в винтажных рамах, и полки, а на полках книги, банки из кунсткамеры, наполненные формальдегидом, светящиеся болотным цветом, с зародышами уродов, гигантскими гусеницами и червями. Свистит ветер.

– Много ещё осталось? – кричу.

– Ты сколько раз брил голову, четыре, пять?

– Три!

– Значит ещё один, и будешь чист.

Я буду чист.

– Давай искать!

Мы летим дальше, зеркала загораются экранами телевизоров, в которых я вижу себя. Проплывают мои повседневные картины: еду на работу, иду домой, с женой и детьми, я, я, и снова я, детство, школа, институт, вот я маленький, мне четыре, и у меня истерика, я не хочу идти в парикмахерскую и довожу отца до белого каления.

– Я буду плакать!

– Плачь.

– Я буду смеяться!

– Смейся.

Терпение отца на исходе, а я скачу на большой родительской кровати и рыдаю, отказываюсь одеваться, потому что в парикмахерской мочат волосы холодной водой, и при этом пахнет кисло, и всё это чудовищно противно.

– Я заболею!

– Ты не заболеешь.

– Заболею!

– Заболеешь – выздоровеешь.

От неминуемой расправы, к которой уже давно прибег бы любой другой родитель, меня спасет только многолетний педагогический стаж моего.

– Ну, давай одеваться, сколько можно, расскажешь им все свои пластинки.

Но я рассказал уже все пластинки, я же их заездил до дыр, и «Мульти-Пульти», и «Кота в сапогах», и «Девяносто девять зайцев», мне уже это неинтересно. Я не хочу идти в парикмахерскую, волосы мочат холодной водой, и ты как будто голый.

– Нет, ты не голый, попробуй-ка посиди там голый, там же холодно.

– Нет, я голый. Я буду плакать!

– Плачь.

– Я буду смеяться.

– Смейся.

Не хочу идти в парикмахерскую, не хочу стричься...

– Омега, долго еще?

Молчит.

– Омега!

– Тебе в чем сказать, в минутах, часах, месяцах? Может в годах.

Лучше, конечно, в годах, но сознание не принимает, сколько времени – человеческого времени – мы движемся внутри этой черной ямы, и высматриваем в высоких зеркалах моего последнего ошмётка. Я могу сформулировать это словами, но чувства отвергают слова, и поэтому я не верю, но хочу поверить, и когда я пытаюсь ощутить, что мы летим уже много лет, тело схватывает дрожью и мозг сковыва-

ет ледяным ужасом, как было в детстве, когда пытаешься почувствовать бесконечность. Ты можешь сказать «бесконечность», но попробуй её почувствовать.

– Много, много еще, Еще много лет, а тебе-то чего? Ни есть, ни пить не хочешь. Трахаться – тоже не хочешь, – Омега хихикает мне в уши, – вот и все потребности, которые могли бы тебя умертвить. Лети себе и высматривай.

И правда: всё это бесконечное время не хочется ничего, это – путешествие в поисках очищения – единственное желание, которое наполняет меня в кромешной темноте, начать сначала. Очищение во что бы то ни стало, даже если для этого надо убить, даже себя самого.

– Ты не бойсь. Когда всё закончим, вернёшься в исходную точку, в воскресенье похмелишься, в понедельник пойдёшь на работу, хотя может уже и не будешь похмеляться, может, для тебя это уже будет неприемлемо, будешь очищенный, и кто его знает, какие у тебя будут желания, у очищенного.

В зеркалах вперемешку картины моей ежедневной рутины, а вот кальянная за мостом, где я встретил Омегу.

– Омега, можно я буду звать тебя Омегин, – спрошу я ещё через несколько лет.

– Зови, как хочешь, мне фиолетово, можешь вообще никак не называть, можешь, кстати, вообще заткнуться и ничего не говорить.

Но это чудовище, мой спутник, тоже не может без обще-

ния, и пройдет год или десять, и оно мне расскажет, скрипя в уши на разные голоса, как давным-давно, настолько давно, что даже я в этой чёрной яме не могу осознать этот срок, он был ошмётком, и как его нашел Альфа, но не смог убить, потому что тогда, неизвестно откуда, появился Уголёк, черная псина, он повалил Альфу и стал грызть, а Омега всадил своему Альфе в голову самурайский меч по самую рукоятку, пробил деревянный пол в каком то японском борделе и пригвоздил навсегда. Тогда ошмётком и стал Омегой, но вопреки ожиданиям, он не стал защищать ошмётков, а наоборот, выбирал какого-нибудь альфу и помогал ему побыстрее уничтожить всех его ошмётков.

– Омегин, а почему ты выбрал меня?

Молчит.

– Омега!

– А ты не понял разве?

Омега фиксирует лицо бледной девушки со впалыми щеками и улыбается, и два нежных голоса шепчут в уши.

– Потому что ты – офигенный.

Ну, ничего себе.

– Может, избранный?

– Да ну, на черта эти понты, просто – офигенный.

Да, а ведь – правда, а ведь именно это и нужно было услышать, тому, кто всё это написал, и нет ничего важней. Омега переворачивается вниз головой и, ввинчиваясь в черноту, уносится от меня, его крик скрежещет в ушах:

– Ты офигенный, Лёха!

Да, я офигенный... Что?

– Омегин, но я же не Лё...

Блин, ну кто меня тянет за язык.

Конец

И нет ни времени, ни желаний, ни тоски, только бесконечное погружение во тьму в поисках очищения. Иногда я пытаюсь понять, как давно мы начали свой полет, обращаюсь к Омеге, но он меня не понимает, поскольку в его реальности времени нет, ни самого времени, ни понятия о нём. Тогда я представляю себе тиканье часов, чтобы хоть как-то почувствовать четвёртое изменение: тик – месяц, так – год, бомм – десять лет.

...тик...

...так...

...бомм...

...тик...

...так...

...бомм...

Вроде, он не услышал, что я не Лёха. Он меня с кем-то перепутал? Какая разница, для него же все имена одинаковы, поэтому не важны, главное, что количество перерождений точно записано, количество твоих ошмётков.

– Слушай, а как ты хочешь последнего умертвить, сам или Омегу попросишь, – чудовище зависает передо мной и подмигивает, ухмыляясь, – заглывание, это, конечно, эффективно, но хлопотно очень, выматывает.

– Сам.

– Молодец, а как? – на экранах зеркал картинка сменяется изображениями разнообразного оружия и всевозможных инструментов умерщвления: пистолеты, ножи, веревки, какие-то игольчатые булавы, а вот банки с кислотой, скальпели, бритвы, любой стиль, любой способ. Я долго рассматриваю тесак с широким лезвием, но в итоге выбираю красивое охотничье ружьё.

– Слушай, а почему там гитлер был, ну, почему именно гитлер?

– Просто под руку подвернулся.

– Да ладно, – Омегин хихикает, – просто вот так взял и именно гитлер и подвернулся!

Хохот отдаёт в ушах справа и слева на разные голоса.

– А ну-ка стоп, назад.

Омегин внимательно смотрит на одно из зеркал, я тоже смотрю, но пока не могу разглядеть изображение за клубами зелёного дыма.

– Ты точно не помнишь, когда тебе в первый раз побрили голову?

– Нет.

– Вшей ты принес, из больницы, гайморит, помнишь?

– Да, но мне же...

– Сначала уксусом травили, ты в целофановом пакете на башке сидел, а потом не помогло и пошли к знакомой парикмахерше, и попросили, чтобы она тебя побрила на лысо. Помнишь?

Я, не мигая, смотрю на расплзающиеся клубы дыма, открывающие передо мною большое зеркало в позолоченной раме. В ушах звенит, кровь прихлынула к мозгу. «Я буду плакать». Моя рука с хрустом впивается в приклад ружья. «Я буду смеяться». Дым рассеивается.

На прозрачной поверхности зеркала... За клоками зелёного дыма... Звон в ушах – но я слышу слова...

Голоса из стеклянной глубины иголками пронизывают барабанные перепонки. В свинцовой плёнке зеркала, я вижу себя. Я прыгаю на большой кровати. Мне четыре года и я не хочу идти в парикмахерскую. В носу кислый уксусный запах. Вчера мы приехали из больницы домой.

Омега висит передо мною, покачиваясь. Его волосы плавно выются волнами. Его физиономии меняются с бешеной скоростью. Парень-девушка-старик. Он берет мою руку, судорожно сжимающую ружье, в свои скрюченные ледяные лапы. Два его голоса отдают железом в ушах:

– Готов?

Причинение добра

Я часто встречаюсь с людьми из разных стран, и люди эти – они очень хорошие, они хотят счастья, креативности, они хотят наслаждаться жизнью. И повсюду в мире, похоже, что корень зла – это наши [политические] лидеры, виновники проблем, и я... на самом деле точно не знаю, что с этим делать.

Дэвид Линч, кинорежиссёр, интервью 20 ноября 2017 года, YouTube

Население относилось к правительству прямо таки враждебно. Все знали, что правительство, государственные чиновники и парламент засели в надёжных подземных убежищах, а простые люди беззащитны.

Фридрих Дюрренматт, «Зимняя война в Тибете»

Самые страшные катастрофы всегда самые неожиданные. Они случаются, когда всё идёт отлично, круто в гору. Они врезаются в жизнь внезапно как пара тридцатитонных фур в густое разноцветье бразильского карнавала, летят перья и оторванные конечности грудастых танцовщиц, и задорная музыка духового оркестра расплзается по глиссандо в какофонию и визг.

На заре XXII века криптовалюта была повсеместно легализована и окончательно вытеснила другие бумажные, железные, золотые и прочие, такие же, ничем не обеспеченные, деньги. В январе 2101 года в Великобритании, последней в мире стране, которая еще удерживала в обращении собственные фунты и пенсы, демонстрируя, что она из столетия в столетие продолжает сохранять статус самой консервативной державы, – был издан указ, предписывающий в течение года полностью перейти на собственную криптовалюту.

Человечество грелось в лучах солидарности от всеобщего принятия криптоденег, которые воспринимались как пример доброй воли людей нового времени, способных массово поддерживать что-то, быть едиными в одобрении чего-то

прогрессивного. За порогом маячили захватывающие перемены, и люди трепетали, предвкушая пришествие новой эры. На смену разобщённому, узколобому и эгоистичному человечеству, постепенно приходило, величаво и уверенно ступая по земле, свободное и единое общество Людей Земли.

Интернет, покрывший сто лет назад планету единым информационным полем, принес чувство единства, скрытых границ и рухнувших стен, но это была только иллюзия. Технология интернета была недостаточно сильна для вторжения в заложенные тысячелетиями принципы формирования человеческого общества с государством во главе. Власть грубо размазывала ржавым кулаком диктатуры, или же искусенной рукой демократии мягко манипулировала информационными потоками даже внутри дышащего воздухом свободы интернета.

Только с повсеместным распространением блок-чейна все прошлые иллюзии и надежды на освобождение стали явью. Технология, рожденная с целью поддерживать сохранность максимального количества информации минимальными ресурсами, проявила себя в первую очередь в виде криптоденег, созданных без участия государственного регулирования, параллельно и вопреки государству, но приобретших огромную реальную ценность.

Развернувшись как неподконтрольный ни одному правительству глобальный реестр финансовых транзакций, информационный океан залил собой планету. Препятствовать

распространению знаний стало невозможно. Совсем. Рассеянная капельками в миллиардах компьютеров по всему земному шару, информация мгновенно в любой точке планеты сливалась в целое море, в океан данных, способный породить чудовищное цунами по щелчку одной единственной мыши. Все и каждый владел всеми данными до последнего бита, и люди отвергли информацию, просеянную через государственный фильтр.

Лютой зимой 2110 года в Сибири случился забавный бойкот прогноза погоды, который передавало местное телевидение. Родители непустили детей в школы, несмотря на то, что девушка с государственной метеостанции объявила о температуре в минус тридцать по Цельсию, то есть чуть теплее максимума в минус тридцать, когда дети могли законно сидеть по домам. Каждый домашний компьютер имел не только выход на цифровой термометр за окном, но и прямой доступ к центрам обработки данных на самих метеостанциях, который предоставлялся свободно в рамках программы по повышению доступности информации. С лёгкой руки государства граждане сплошь и рядом могли беспрепятственно пользоваться всевозможными источниками данных. Государственные чиновники считали прогрессивным поощрять самостоятельность населения, не подозревая, что в скором времени эта свобода выйдет боком.

Утром датчики метеостанции передали на компьютеры «минус тридцать семь», а девушка-диктор местного телеви-

дения, улыбаясь и прохаживаясь на шпильках вдоль карты циклонов, сообщала про «минус тридцать».

Это, конечно, было просто технической ошибкой. Трудно предположить тут какой-либо злой умысел: намеренно исказить информацию о погоде, чтобы отправить детей замерзать, и на первый взгляд, могло показаться, что не случилось ничего особенного: ну не пустили взрослые своих чад в школы, и что с того? Однако поразительным был не сам бойкот, а его массовый и молчаливый характер. Ни один родитель во всем миллионном городе не отправил своё дитя в школу и сделал это молча, не поднимая шума. Если бы начались разгневанные звонки на метеостанцию и в телекомпанию с жалобами на дезинформацию Гидрометцентра, то затем было бы выступление какого-нибудь чиновника с разъяснениями, кого-нибудь уволили бы за допущенную ошибку, публично извинились бы, но никаких возмущений не случилось. Не было повода для извинений и увольнений, поскольку власти узнали о бойкоте только через несколько дней. Никто не жаловался и не шумел.

Сказалась ли дикая стужа, такая, что люди забились в норы квартир, отрезанные от внешнего мира, и утратили потребность общаться; погрузились с головой в уединение, которое так соблазнительно в это время года, если есть свет и горячая вода, и батареи шпарят на полную катушку, а ты сидишь перед телевизором или компьютером под одеялом, или с книжкой в кресле, а рядом копошатся дети, тихо раску-

рочивают новогодние подарки, и дымится чашка кофе с имбирём, – возможно, сказалось всё это, но ведь такие благостные ощущения приходят каждый год, и это ещё не приводило к массовому затворничеству и бойкотам. А теперь?

Теперь власть почувствовала, что здесь что-то не так: людям не нужен был государственный прогноз погоды. Совершенно не нужен. Сразу вспомнились и сложились в пазл другие факты: и повсеместное падение интереса к выборам, и отказ от обычных лекарств, который за два последних года привёл к банкротству крупнейших фармацевтических компаний по всему миру.

Избирательная активность сохранялась высокой в странах третьего мира и составляла целых пять процентов населения. В развитых странах допустимый порог явки постоянно снижался, и за пару лет до Сибирского бойкота был законодательно установлен в один процент. Людям стали неинтересны выборы. Особенно трудно пришлось странам с многоступенчатой системой, где главу государства избирали выборщики. Никто не хотел выбирать выборщиков. Выборщикам стали платить зарплату сравнимую с вознаграждением специалистов самых престижных профессий, генных модификаторов «криспи-визардов», и блок-чейн строителей. Зарплата выборщикам противоречила самой природе выборов: участие в выборах раньше было честью и почётом, а теперь вызывало лишь усмешку и равнодушие. Что может быть страшнее равнодушия?

В президентские избирательные кампании вбухивались сумасшедшие деньги, каждый кандидат помимо формирования собственного денежного фонда должен был вносить огромные суммы в общую казну, которая расходовалась уже не на него лично, а на выборы как таковые. «Голосуй за будущее», «Избирательное право – право современного человека» увещевала реклама, но люди безучастно игнорировали эти призывы.

Скучно, не интересно. Власть давно себя дискредитировала. Для всех окончательно стало ясно, что цели, которые преследует человек у власти, независимо от того, хороший он или плохой, и неважно, были ли у него когда-то добрые намерения или нет, – единственной его целью является собственное благополучие и безопасность. В этом была изначальная порочность власти теперь научно доказанная. Проведённое на заре двадцать второго века эфиопским «Фондом развенчания» глобальное исследование окончательно и бесповоротно показало, что стремление к власти ради общего блага – это чушь, чуждая человеческой природе. Гонка за властью всегда питалась мотивом заботы о личной безопасности, и это было железобетонно доказано в ходе изучения мотивации нескольких миллионов чиновников по всему миру, от президентов и членов правительства до служащих муниципалитетов.

Скрыть результаты этого исследования в условиях глобальной информации было невозможно, и каждый человек

на земле подтвердил свои давние догадки относительно чиновников и принял равнодушный вид.

Им на нас плевать.

Тотальный отказ от покупки лекарств, разоривший крупнейших производителей, также недвусмысленно говорил о том, что самостоятельность людей неуправляемо растёт. Фармацевтика безнадёжно отстала от прогресса генной инженерии, и потерпела крах. Все болезни теперь успешно лечились через стандартные модификации генома, и простейший набор оборудования для внесения таких модификаций был по стоимости как средний смартфон. Сначала фармацевты замалчивали успехи генетики, умышленно задерживали внедрение прорывных разработок, поскольку в производство стандартных лекарств уже были вбуханы баснословные деньги, а существовавшие десятки лет процедуры опробования новых лекарств были чудовищно громоздкими, длительными и дорогими. Но с глобализацией информации тайное стало явным, и люди просто перестали покупать лекарства, излечивая себя от диабета и рака при помощи домашнего биохакинга.

Объединение человечества в информационном пространстве и уменьшение влияния государства на частную жизнь развивались по экспоненте. Государство боролось с падением интереса к выборам, старалось приструнить корпоративную медицину, не видевшую дальше своего носа, но не поспевало за бегом свободы. Скорость распространения ин-

формации и рост самодостаточности людей были значительно быстрее. Злонамеренные силы уже не могли эксплуатировать идеи разобщения, эгоистических национальных интересов, мировых заговоров, – всех возможных мифов, лжи или сокрытия информации, на которых испокон века держалась власть.

Человечество уже давно было единым и воспринимало президентов и правительства своих стран как зловредную, опасную и лишнюю надстройку, потешалось над ними и делало «глухое ухо». Людям не нужно было государство для лечения от болезней и пропитания – с этим справлялась генная инженерия; не нужно было государство и для обеспечения жилищем – напечатать дом в сто пятьдесят квадратов на три-дэ принтере можно было за полдня и стоило копейки. Электрокары и гидрокары собирались как Лего за пару часов. И в один прекрасный день безобидный бойкот прогноза погоды в далёком сибирском городе приобрёл смысл ясного сигнала – государство стало бесполезным.

Весной 2115 года под эгидой Организации объединенных наций было созвано глобальное совещание, получившее название Ассамблеи Ассамблей. В Ассамблее приняли участие главы стран всех пяти континентов. Целью ассамблеи было подписание документа, на основании которого максимум через десять лет человечество должно было перейти к единому управлению, упразднив органы власти отдельных стран.

Глобальное объединение – было единственным, что могло снова заставить людей поверить в нужность и добрые намерения их правительств и парламентов.

– Господа, мы должны ошарашить граждан Земли, – глава союза стран Южной Америки и Канады любил щегольнуть крепким словцом, – ещё никогда наша задача не звучала так наивно и не была столь критичной. Мы должны сделать то, чего от нас ждут меньше всего, и сделать это ради предотвращения грядущей катастрофы. Прогнозы показывают, что граждане Земли, самодостаточные и смакующие свою самодостаточность, скоро столкнутся с дефицитом ресурсов. Они привыкли, что блага цивилизации дешёвы и доступны для лёгкого удовлетворения потребностей, но забыли или игнорируют то обстоятельство, что эта доступность стала возможной благодаря усилиям государства и власти. По нашим подсчетам без централизованной организации производства ресурсы иссякнут менее чем через пять лет. Мы не можем использовать войну и тотальную мобилизацию, чтобы заставить людей вспомнить о нас, поскольку на земле кроме ядерного оружия не осталось никакого, и война в такой ситуации самоубийственна. Соккрытие информации – самый беспримысленный способ манипулирования общественным сознанием, в мире тотального блок-чейна стал для нас недоступным. Любые способы посеять вражду, разобщение и ксенофобию, которые мы с успехом использовали, чтобы не позволить людям усомниться в необходимости нашего существо-

вания, неприменимы в эпоху глобальной информации. У нас нет выхода. Для спасения человечества мы должны переступить через себя и в первый раз в истории совершить шаг к настоящему общему благу. Время объединяться друг против друга прошло, пора объединяться по-настоящему. Мы должны создать Правительство Земли.

И такое правительство было учреждено. Люди, ошеломлённые таким невероятно прогрессивным шагом, возликовали и проголосовали за него единодушно. Часы Судного дня в Чикагском университете были переведены с без двух минут двенадцать на одиннадцать часов, поскольку в мире всеобщего согласия угроза ядерной катастрофы сошла на нет, и прочие возможные катаклизмы казались смешными пред мощью объединённого человечества. Мудрейшие государственные мужи были горды своим эпохальным решением, а люди продолжали упиваться свободой и доступностью ресурсов, но настоящая катастрофа ждала за углом.

Двадцать пятого мая 2118 года в семь часов пять минут утра заспанный житель многоэтажного расцвеченного гигантскими голограммами дома в Шанхае обнаружил, что ему давно пора купить новую зубную щётку, поскольку старая от чрезмерно интенсивной чистки превратилась в жидкий клочок из пары пластиковых волосин. Он заполнил купон в интернет магазине, нажал на кнопку «оплатить» в местной криптовалюте, и как только он это сделал, заложенный сто

лет назад в коде блок-чейна вирус отсроченного действия разом вывел из строя все существующие на планете цифровые системы, включая электрические сети и спутники.

Земля притихла, погасла и замерла.

Этот вирус, микроскопический клочок компьютерного кода, позже был назван «Ластиком», и новая история человечества с туманным теперь будущим начала новый отсчёт – от Ластика.

Покупка зубной щетки стала октиллионной транзакций, записанной в коде блок-чейна первой криптовалюты, и эта транзакция, повинувась секретному коду, отправила короткое сообщение каждому из сотен миллиардов компьютеров, которые поддерживали базу данных. Сообщение было едва заметным, и, если перевести его с языка кода на человеческий, гласило «Ты – первый!» После его получения каждый компьютер стал считать себя первым в цепочке блок-чейна и моментально сгорел, потому что его огромные мощности предназначались для поддержания гигантского объема данных, которые по крупницам хранились рассеянные по всему миру и могли собраться на любой машине по щелчку мыши. Теперь же каждый компьютер получил сигнал, что информации нет, кроме того, кусочка, который хранится на нём самом. Предмет приложения огромной энергии исчез, и она сожгла нутро цифровых машин.

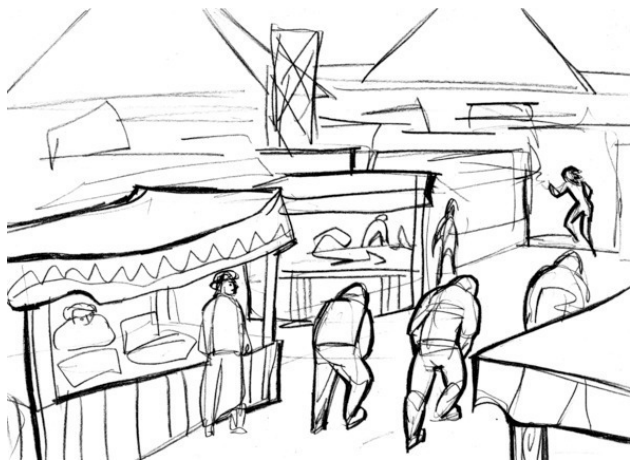
Земля погрузилась теперь уже в настоящий хаос.

Спустя несколько лет мечущиеся вслепую, истребляемые

болезнями голодом и друг другом люди, мало-помалу начали осознавать причину катастрофы и принялись потихоньку восстанавливать технологию, пользуясь накопленными запасами топлива и прочих ресурсов, скудными в масштабах всего человечества.

В январе 2128 года – «десять лет от Ластика» – в Каире пятеро Охранников минимальной жизни из местного отряда самоуправления, по приметам, полученным от пешего курьера из Лиссабона, задержали в районе пирамид молодую хрупкую датчанку. Ей не удалось скрыться от преследователей в гигантской кибер-барахолке, которая теперь круглогодично развернулась под треугольными тенями усыпальниц Хеопса и Тутанхамона. Охранники пережили смертельные дозы радиации и несли на лицах черты генетического вырождения, но обладали при этом острым звериным чутьём и сноровкой. Погоня завершилась вереницей раскуроченных палаток с неработающими мониторами, системными блоками и прочей цифровой рухлядью, и точным броском копья, которое пригвоздило убегающую девушку за обе штанины равных джинсов к деревянному коробу с мобильными телефонами. Она упала и сдалась своим лохматым рослым преследователям с оттопыренными ушами, выпяченными губами, косоглазым и воняющим потом напополам с керосином.

Четверо из пяти Охранников изъяснялись с помощью жестов и слюнявого мычания, тогда как пятый, их начальник, смуглый усатый толстяк невысокого роста, на котором были надеты не бесформенные лохмотья, а чудом сохранившаяся форма Каирского полицейского, не показывал внешних признаков психической неполноценности. В раскалённой духоте бетонной камеры он несколько дней допрашивал задержанную, частично печатая показания на заедающей пишущей машинке, частично записывая от руки, – компьютеры уже много лет оставались грудой металла и пластика.

Девушка проявляла готовность и желание сотрудничать. Она охотно рассказала, что на самом деле разработчик кода глобальной криптовалюты, человек которого никогда не могли вычислить, был отбывавший в начале прошлого века пожизненное заключение на Кубе чудовищный маньяк-убийца. Мать девушки была единственной кроме журналистов, кто посещал убийцу в тюрьме, пока тот не сдох. Она была активисткой фонда охраны окружающей среды и вдохновлялась идеями заключённого о возрождении экологически чистого «мира воды, воздуха, деревьев и животных», идеями, которые он внезапно для всех и для себя самого стал проповедовать на пятнадцатом году срока.

Сидя в одиночной камере, освещаемой днём ночью длинной люминесцентной лампой, вдыхая раз в день свежий воздух во время краткой прогулки по внутреннему двору тюрьмы, где из-за высоченных стен не было видно ничего кроме клочка вечно голубого неба Острова Свободы, свихнувшийся изувер начал формулировать идеи о дивном, чистом мире, и несчастная мать-одиночка, которая прочитала интервью с ним в глянцевого журнале, и написала ему по электронной почте, стала его верным последователем.

«Пойми, чтобы осознать истинные ценности, людям нужно начисто лишиться искусственных», – вещал он бледной, худой женщине, которую только что с трёхмесячной дочерью на руках бросил муж-дальнобойщик.

– Это ваша мать? Она сама написала ему?

Толстый, похожий на усатую жабу охранник в рубашке песочного цвета с коротким рукавом и потными пятнами у подмышек, усердно скрёб огрызком простого карандаша по мятому бумажному листу. Четверо других были тут же, двое сидели верхом на стульях, двое стояли, прислонившись к горячей бетонной стене, тупо пялясь на девушку, время от времени тряся головами и сглатывая слюни.

– По электронной почте. Наш пастор получал пожертвования от какого-то центра помощи пожизненно осужденным и посоветовал матери написать письмо кому-нибудь по базе данных. Типа и личную жизнь устроишь и поможешь изгоям общества, добродетель и прочая чушь. Она случайно выбрала его, а потом и интервью с этим ублюдком опубликовали, с картинками: деревья, речка, хижина в лесу. Мать всегда от такого впадала в экстаз.

– Чего ж ты такая циничная дочка получилась, ай-яй-яй, – охранник ухмылялся и курил, – совсем на мать не похожа.

В первый раз в комнате свиданий женщину поразили чистота и свет. Белые стены потолок, белая мебель – прикрученные к полу железные стулья и столы. Она зажмурилась. Двое охранников, вооруженные дубинками и перцовыми баллончиками, следили за ней с возвышения в центре комнаты, пока она выбирала среди дюжины пустых столов и усаживалась за него, теребя угол блузки. Где-то за стеной в комнате с надзирательницей была её грудная малыш-

ка. С ребёнком на свидание не пустили.

Прошло несколько долгих минут, женщина всё время думала о девочке, с которой сейчас сюсюкает толстая тётка в униформе. Встреча с самым знаменитым на земле убийцей её уже не заботила. Она не подумала, что придется оставить ребёнка. А если малышка начнет плакать, а эта мерзкая баба не сможет её успокоить и обидит? Женщина бросила руки на стол, сцепила пальцы в замок так, что они побелели, и просидела еще пять минут, зажмуривая глаза под длинной челкой и уговаривая себя не ринуться прочь из белой комнаты, к дочке.

В конце концов силы бороться иссякли, она вскочила с места, ругая себя за самый глупый и опасный поступок в своей жизни. Охранники дёрнулись от резкого движения, и в этот момент в центре стены открылась белая незаметная до этого дверь, и в комнату ввели заключенного. Наручники были пристегнуты к цепям на ногах, двое конвоиров вели его, поддерживая под руки. Увидев, что женщина встала, один из них выставил вперёд ладонь: «нельзя». Приближаясь к столу, бородатый мужчина в цепях пристально смотрел на неё, а его губы немного кривились то ли в улыбке, то ли в ухмылке. Она попятилась и уселась на место. Конвоиры сняли с него цепи, задвинули стул, и встали по обеим сторонам в двух метрах позади.

Она не могла отвести взгляд. Он здесь больше сорока лет, почему он до сих пор не сошёл с ума? Колючие глаза смотре-

ли на неё неотрывно, а губы всё кривились и как будто пожевывали. Прежде чем женщина успела опомниться, мужчина быстро наклонился через стол, вытянул руку и молниеносно, как жаба хватает языком муху, прикоснулся пальцами к кончику её носа.

– Не бойся. Я всех трогал за нос, – тихо сказал он, и теперь явно с ухмылкой, – нет ни одного человека в этом мире, кого я не мог бы потрогать за нос. Ни единого.

«Нет, похоже, он все-таки свихнулся», – её ладони были влажные и холодные, а сердце скакало где-то у подбородка. Она машинально провела пальцами по кончику своего носа, как будто смахивая грязь.

– Я знаю, о чем ты думаешь, расслабься. Я не сумасшедший.

Усатый охранник перестал писать, замер с карандашом, занесённым над мятой бумагой, и пристально смотрел на девушку. Мгновение прошло в молчании.

– И зачем ему это нужно было, зачем он всех трогал за нос? – он моргнул и поерзал на стуле.

Девушка в удивлении подняла на него воспалённые глаза.

– А разве не ясно? «Если я могу прикоснуться к тебе, я могу тебя убить». Это его слова.

– Вот зверь, а, – охранник крикнул от удовольствия и обратил взгляд на стоящих тут же помощников, которые, подражая ему, радостно замычали и уронили слюну. Усатый с досадой махнул на них рукой.

– Животные. И что он ещё рассказывал?

– Ну, еще сколько раз в день он мастурбирует в свои шестьдесят лет, хотя нет, это он рассказывал тупицам-журналистам, а с моей матерью всё было серьезно. Только философия, звери, вода, воздух и деревья.

Каждую неделю месяц за месяцем худая женщина приходила в белую комнату за солнечным светом и откровением. Она ловила себя на мысли, что раньше с такой же радостью и надеждой шла в церковь. Сначала она пугалась этой радо-

сти, потом стыдилась её, но неизменно спешила туда, к убийце, оставляя ребёнка с толстой надзирательницей, которая была рада повозиться с малышкой, но не одобряла дружбы с маньяком.

«Пойми, люди неизбежно повернутся лицом к природе, обретут истинные ценности, когда искусственные исчезнут. Так уже происходило раньше после лютых мировых войн, случится и сейчас и уже навсегда».

Его чёрные, из одних зрачков глаза горгоны действовали как обезболивающее со снотворным эффектом, гипнотизировали впечатлительную женщину и приводили в каталептическое оцепенение.

«Мы избавим людей от ложных ценностей, мы сделаем это с помощью простой программы, кода. Он опутает всю планету, проникнет в каждый компьютер. Он будет питаться исключительно доверием людей друг к другу, болезненной, отчаянной надеждой, что они сами смогут наконец-то построить систему, независимую от прогнившего государства с его вшивой демократией. Стремление к независимости. Они будут верить, что обретут её, послав к чертям государство? Нет. Настоящая независимость – это независимость от самих себя».

Всё сбылось. Созданная людьми в едином прекраснодушном порыве титаническая база данных, опутала земной шар, и достигнув критической массы, запустила Ластик, который снёс к чертям весь лишенный истинной ценности виртуаль-

ный мир.

Несчастливая женщина, отчаянно ищущая смысл жизни, на-
карябала на клочке бумаги под диктовку сумасшедшего ма-
няка коротенький кусочек кода. Она шла по узкой моще-
ной улочке Гаваны под обжигающим солнцем, под звуки кла-
ве и запах сигар, неся на болтающихся slingах и прижи-
мая к животу грудного ребенка. Рука, опущенная в плетё-
ную сумку, сжимала листок бумаги с кодом и инструкци-
ей по установке. Личинка, из которой через сто лет выраст-
ет чудовищный Годзилла, была посеяна в хилый компьютер
из интернет салона в центре Кубинской столицы, и стала до-
ступной через невзрачный сайт, рекламирующий лекарство
для похудения, машинку для увеличения пениса и какую-то
непонятную криптовалюту. Так был совершён первый и по-
следний в старой истории человечества акт кибер-террориз-
ма с эффектом, отсроченным на сто лет.

– Но это был обман, чудовищный обман, мама, бедная моя
мама...

Солнце клонится к горизонту и медленно краснеет. Его
лучи проскальзывают сквозь листья пальм и слепят глаза,
а пальмы раскачиваются под порывами прибрежного тёпло-
го ветра. Охранники жизни людей свободного Каира ску-
чают, щурятся через узкую бойницу в стене бетонной ка-
меры, безучастно глядя на блики убегающей в океан бле-
стящей солнечной дорожки. Арестованная датчанка рыдает.

Она сжимает кулаки от отчаяния и обиды. Потом грязными пальцами она будет размазывать слёзы по опухшему лицу. Она скажет, что чувствует жестоко обманутой и себя, и свою несчастную мать, поскольку предсказания тюремного гуру не сбылись, ведь люди, утратив электричество, не переехали в лес к воде, нюхать воздух и ласкать зверюшек, а начали остервенело восстанавливать свои дебилские компьютеры. Вдохновитель первой кибер-террористки, мало того что маньяк, оказался на поверку ещё и недалёководным идиотом.

– Хорошо, что мама не дожила до этого ужаса.

Девушка будет всхлипывать и стонать, пряча лицо в ладонях, а пятеро нещадно потеющих мужчин, развеселившиеся и возбуждённые видом бессильной женской злобы, по очереди будут насиловать её в раскалённой бетонной коробке, хохоча и показывая гнилые зубы.

– Что ты лапочка, почему же не дожила мамочка. Дожила. Ещё как дожила.

Похожий на голую усатую жабу полицейский, закончивший своё дело первым, курил, сидя в трусах на табурете и наблюдал, как четверо огромных дегенератов, мыча, уродуют женщину на письменном столе, затем поднял из пыли и натянул штаны, застегнул ремень и шлёпнул распластанное дрожащее тело:

– Криокамеры-то уже десять лет как отключились, всех синегубых тогда, кого успели поймать, сразу и оприходовали и допросили, и матушку твою тоже. Всё она увидела. На-

деялась проснуться через сто лет в новом чистом мире. Вот дура.

Охранник ухмыляется.

– А мама твоя, кстати, до последнего была верна своему учителю, всё твердила, что придёт ещё новое время, воды, воздуха и зверей.

Он замирает от внезапно пришедшей мысли и вдруг растягивает жирные усы в улыбке:

– Так время зверей-то никогда и не заканчивалось. Ха-ха. Она это точно тогда поняла, верно, животные? – кричит он, обращаясь к остальным.

Животные мычат и ржут. Девушка уже не слышит ни мычания, ни того, что только что говорила усатая жаба. Полумертвую, её впихнут в железную клетку на повозке, запряжённой двумя лошадьми, с возницей, снабжённым чудом сохранившимся навигатором на солнечной батарее; возница сунет за пазуху кипу мятых бумаг с протоколом допроса, и клетка отправится в последнее путешествие на север к Средиземному морю, а затем на пароходе через Кипр в Стамбул, где дочь первой кибер-террористки найдет свою могилу, как десять лет назад и её мать, так же не успевшая предстать перед Трибуналом Нового Цивилизованного Мира, чтобы поведать о событиях, приведших к Ластику и к последней катастрофе, которая обнулила, хоть и не надолго, таймер обратного отсчёта для человечества, неизменно и маниакально озабоченного идеями всеобщего добра.

P. S.

Сегодня четвёртое февраля 2018 года, утро, и этот рассказ почти закончен, однако я продолжаю размышлять и сомневаться в том, что описанное здесь будущее хоть сколько-нибудь убедительно. По радио с новостями – я включаю его каждое утро, потому что мне нужно в радио, которое разговаривает, а не играет музыку, и вообще, стараюсь слушать новости, чтобы не пропустить Апокалипсис, – так вот, по радио мне рассказывают три новости.

Одна про блоггера из глубинки, который долгое время публиковал в интернете альтернативный прогноз погоды, и как на него подал в суд Гидрометцентр, несмотря на то, что прогноз был зачастую достовернее официального и пользовался даже большей популярностью. Это удивительно, потому что в моём рассказе тоже есть история с ошибочным прогнозом погоды от официальной метеостанции и правильным от простых людей.

Вторая новость о том, что кто-то в правительстве предложил создать Министерство одиночества, и затем информация, что в какой-то стране уже давно есть Министерство счастья, и что вместо величины валового внутреннего продукта, успешность государственного правления там измеряется уровнем счастья населения. Эта новость тоже странным образом перекликается с акцентами, которые расставлены

в моём рассказе, когда взаимоотношения человека и власти определяется не столько экономической составляющей, на-
логами, например, а доверием или недоверием.

После этого ухо цепляется за огрызок новости о крипто-
валюте, предсказание о будущем и настоящем смысле кото-
рой занимает важное место в этом рассказе. Диктор гово-
рит что-то вроде: «криптовалюта ничем не обеспечена, парируют, что и золото
также ничем не обеспечено, просто люди так договорились». Я выключаю радио, и чувствую, что сомнения в возможно-
сти будущего, которое описано здесь, понемногу развеива-
ются, и я... на самом деле, я точно не знаю, что с этим делать.

От автора

Все эти рассказы были написаны за короткое время в течение пары месяцев с ноября 2017 по январь 2018 года, в основном в новогодние праздники. Поэтому формально они свежие. И одновременно очень старые для меня. Каждый рассказ – это попытка раскрыть какую-то идею, прием или «фишку». Эти идеи и фишки придумались много лет назад. Некоторым из них десять лет отроду. Я ни сколько не претендую на новизну этих идей и приемов, скорее всего, они еще старше, и уже появлялись в других головах и других текстах, о которых я не слышал в силу особенностей эрудиции. Я говорю именно о моменте, когда они пришли в мою голову, забрели, пусть случайно.

Самое забавное, что именно когда я перестал беспокоиться за новизну собственных мыслей, появилась свобода, необходимая для творчества. Всё это ново, ново для меня, и этого достаточно. Мысли ложились на бумагу, и мне было весело от того, как они трансформируются, и начинают взаимодействовать сами по себе. Это – чистая правда, так может быть на самом деле, оказывается, когда пишешь.

Мне очень хотелось, чтобы моим читателям было интересно так же, как мне было интересно выкладывать эти истории на бумагу. А еще я постарался, чтобы текст был лёгким. Интересно и легко. Насколько мне удалось сделать так,

чтобы книжка соответствовала названию, судить вам.

Заголовки рассказов специально сделаны такими для привлечения внимания. Совпадения случайны, и мне не всегда нравится, как себя ведут мои герои, и что говорят. Но это – их дело.

Вот так :-)